

0- 788270

На правах рукописи

ГИЛАЗЕТДИНОВА Гелиня Хайретдиновна

**ВОСТОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ**

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань 2011

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

- Научный консультант** — доктор филологических наук, профессор
Эмилия Агафоновна Балалыкина
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Замир Курбанович Тарланов
- доктор филологических наук, профессор
Мирфатых Закиевич Закиев
- доктор филологических наук, профессор
Мария Александровна Пильгун
- Ведущая организация** — ГОУ ВПО «Волгоградский
государственный университет»

Защита состоится «23» июня 2011 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.078.04 при ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» по адресу: 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» «17» марта 2011 г. Режим доступа: www.tggpu.ru

Автореферат разослан «__» мая 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000677700

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

С.С. Сафонова

Общая характеристика работы

Роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей, как отмечал Э. Сепир, можно установить путем выяснения того, в какой мере их лексика проникала в язык других народов. Именно взаимодействие между культурами и языками занимает особое место в становлении лексической системы каждого национального языка.

В истории русского языка на разных этапах его существования иноязычные слова как следствие межъязыкового общения сформировали одну из существенных языковых подсистем его лексического состава. Наиболее значимую страницу в эволюции словарного состава русского языка с древнейшего периода его развития вплоть до XVIII в. представляют заимствования из восточных языков, оставившие значительный след в «этногенезе и культуре, архитектуре и орнаменте, в употреблении предметов домашнего обихода и некоторых деталей быта и обычаев <...> в фамилиях и прозвищах, в топонимах и гидронимах и т. п.» [Кононов 1982: 12].

Изучение восточных заимствований в русском языке имеет давние традиции¹. Ориентальная лексика рассматривалась в хронологико-этимологическом аспекте (К.Р. Галиуллин, И.Г. Добродомов, А.Н. Кононов, А.С. Львов и др.), по тематическим группам (Р.Г. Гатаулина, А. Жаримбетов, А.Г. Сагитова, Д.С. Сетаров, Р.А. Юналеева, Юнал Керами и др.), на материале памятников письменности (В.Д. Аракин, И.Г. Добродомов, А.С. Львов, А.С. Махмутова, И.И. Назаров, В.И. Филоненко и др.), художественной литературы (Г.С. Амиров, Г.Н. Асланов, Р.И. Бигаев и др.), лексикографических источников (Г.Н. Каримуллина, Г.Я. Романова и др.), современного литературного языка (К.Р. Бабаев, Р.З. Киясбейли и др.), диалектов (Г.Н. Асланов, Л.Л. Аюпова, Л.А. Кубанова, Б.А. Моисеев и др.), арготической лексики (Н.К. Дмитриев) и др.

Одним из важнейших направлений в изучении и постановке проблемы Orientalico-Rossica является сформировавшийся в 40–50-е гг. XX столетия новый тип исследования – анализ восточных слов определенного исторического периода на материале письменности или диалекта в соответствии с периодизацией русского языка в широком смысле этого слова как языка, являющегося ветвью, частью общеславянского языкового родства (см.: [Исаченко 1963; Баш 1989]).

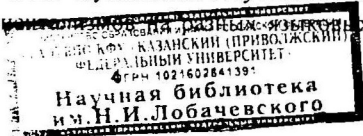
¹См. работы И.Н. Березина, А.К. Казембека, Ф.Е. Корша, П.М. Мелиоранского, Ф.И. Эрмдмана, А.И. Соболевского, В.А. Богородицкого, Л.П. Якубинского, Ю.Н. Завадовского, В.И. Абаева, А.Н. Кононова, С.Е. Малова, К.Г. Менгеса, Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева, И.Г. Добродомова, Е.К. Бахмутовой, А.Д. Эфендиевой и др.

Описание языка эпохи Московской Руси (XV–XVII вв.) – периода образования великорусской народности и начала формирования национального русского литературного языка – весьма **актуально** в плане исследования эволюции лексической системы русского литературного языка в целом и ее заимствованного пласта, в частности.

Исследуемый период привлекает внимание лингвистов в плане изучения «слов-пришельцев» из разных языков, в том числе и восточных (см., например, работы А.К. Рейцак, которая анализирует германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв. [Рейцак 1963], С.А. Беляевой, предпринимавшей изучение английских заимствований в русском литературном языке XVI–XX вв. [Беляева 1973], А.А. Архипова, который рассматривает историю гебраизмов в русском языке XV–XVI вв. [Архипов 1982], Г. Милейковской о польских заимствованиях русского языка XV–XVIII вв. [Милейковская 1984] и др.).

Отметим, что работ, посвященных анализу ориентальной лексики старорусского периода, немного. Среди них можно назвать исследования Е.К. Бахмутовой [Бахмутова 1940], С.Е. Малова [Малов 1951], М.Т. Тагиева [Тагиев 1969], А.Д. Эфендиевой [Эфендиева 1975], Л.С. Бургановой [Бурганова 1988] и др., в которых рассмотрены различные аспекты функционирования восточных лексем. Так, Л.С. Бурганова исследует проблемы грамматической адаптации заимствований; работа Е.К. Бахмутовой «Иранские элементы в деловом языке Московского государства» посвящена истории слов иранского происхождения, их тематической принадлежности и особенностям функционирования в деловом языке Московской Руси; С.Е. Малов анализирует ряд тюркизмов в старорусском языке с точки зрения их этимологии; в работе А.Д. Эфендиевой прослеживается этимолого-хронологическое описание ориентализмов позднего Средневековья (XVI–XVII вв.) и др. Однако проблемы исследования механизмов адаптации восточных слов как единиц языковой системы старорусского периода сквозь призму функциональных особенностей заимствований на материале разножанровых источников до сих пор не поднимались и не решались. Более того, в лингвистической и культурологической литературе в связи с европоцентрической ориентацией русской культуры и идеологии последних столетий влияние восточных языков на систему русского языка, его картину мира постоянно преуменьшалось, а адаптированные в русской языковой системе восточные лексемы воспринимались как этнознаки собственно русской культуры и языка.

Таким образом, **актуальность** обращения к исследованию восточных слов в русском языке XV–XVII вв. обусловлена отсутствием системного описания процессов адаптации ориентальной лексики на различных уровнях в этот

период, а также определяется необходимостью решения вопросов, связанных с функциональным анализом заимствований в привлекаемых для исследования текстовых источниках, весьма разнообразных в жанровом отношении.

Объектом исследования являются восточные заимствования как языковые единицы лексико-семантического уровня русского языка XV–XVII вв., в которых нашли отражение материальные и культурные связи между народами.

Термин «заимствование» в исследовании понимается традиционно и обозначает как процесс усвоения некоего элемента языка дающего языком принимающим, так и сам этот элемент. Понятие *восточные языки* объединяет ряд разносистемных языков: тюркские, монгольские, арабский, китайский, иранские языки. Заимствования из восточных языков в лексической системе русского языка, как известно, обозначаются чаще всего термином *ориентализмы*. Синонимичными данному понятию в лингвистической литературе принято считать следующие терминологические словосочетания: *восточные заимствования*, *восточные слова*, *восточная лексика*. В работе все вышеперечисленные термины используются как эквивалентные для обозначения ими, в первую очередь, собственно тюркской лексики, а также персидских, арабских, монгольских слов, обогативших словарный состав тюркских языков и, как правило, попавших в русский язык через посредство соседних тюркских народов. В этой связи важно замечание А.И. Соболевского, который писал, что «восточное влияние почти отождествляется с тюркским. Тюрки доставили нам не только свои слова, но еще арабские, персидские, монгольские, даже индусские и китайские» [Соболевский 1891].

Под языком-источником в исследовании понимается язык, к исконному составу которого принадлежит заимствованное слово. Определение языка-источника, а также этимологизация ориентализмов в целом имеет свою специфику, связанную с тем, что на протяжении всей своей истории русский этнос (а ранее — восточные славяне) контактировал с тюркскими и другими восточными народами (арабами, персами), в результате чего русский язык пополнялся не из одного какого-либо источника, а из разных тюркских и других восточных языков. Явление многоконтakтности характерно для языковой ситуации исследуемого периода, что создает определенные трудности в выявлении источника и прототипа ориентального заимствования. Широкое понимание термина *ориентализм* позволяет рассмотреть в работе лексические единицы, восточное происхождение которых принимается не всеми исследователями (например, *книга*, *корабль*, *терем* и др.).

В качестве **предмета исследования** выступают механизмы адаптации восточных слов в старорусском языке на лексико-семантическом, фонетико-морфологическом и словообразовательном уровнях. Первоочередное внимание

уделяется определению функциональных особенностей рассматриваемых заимствованных единиц на материале широкого круга разножанровых источников, позволяющих выявить основные направления их освоения в русском языке изучаемого периода.

Цель работы – на основе исследования динамики заимствования восточных элементов русского языка эпохи Московского государства установить закономерности их адаптации в лексико-семантическом, фонетико-морфологическом, словообразовательном аспектах с учетом их функциональных особенностей в разножанровых письменных текстах.

В соответствии с поставленной целью в нашем исследовании выдвигаются и решаются следующие **задачи**:

- выявить круг ориентальных лексем в исследуемых текстовых и лексикографических источниках;
- определить место восточных заимствований в лексической системе старорусского языка;
- описать поэтапное освоение восточных заимствований, формирование их семантической структуры;
- проследить историю выявленных ориентализмов в русском языке;
- исследовать механизмы фонетической и морфологической адаптации иноязычных заимствований восточного происхождения с учетом выявленных вариантов исследуемых единиц, а также типологических особенностей контактируемых языков;
- определить деривационный потенциал ориентальной лексики, проявляющийся в формировании комплексных словообразовательных единиц (рядов, гнезд) на базе заимствований;
- охарактеризовать функциональные особенности восточных слов в разножанровых письменных памятниках;
- рассмотреть проблемы лексикографирования восточных слов старорусского периода.

Основные источники исследования. Для анализа восточных слов были привлечены разнообразные в жанровом отношении памятники XV–XVII вв., язык которых, по мнению лингвистов-историков, является литературно-письменным вариантом русского языка на народно-языковой основе (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, В.В. Колесов и др.). Среди проанализированных источников (свыше 150 памятников письменности) широко представлены: 1) публицистические памятники (сочинения И. Пересветова, Ивана Грозного (XVI в.), протопопа Аввакума (XVII в.) и др.); 2) русские повести XV–XVII вв.; 3) пьесы («Юдифь» (1674 г.), «Баязет и Тамерлан» (1674–1675 гг.) и др.).

Особое место среди использованных источников составляют «хожения» («Хожение инока Зосимы» 1419–1422 гг., «Хожение купца Василия Познякава по святым местам Востока» 1558–1561 гг., «Хожение за три моря» Афанасия Никитина 1466–1472 гг., «Хожение купца Федота Котова в Персию» 1624 г., «Проскинитарий» Арсения Суханова 1649–1653 гг. и др.), представляющие собой описания чужих стран. В данных памятниках письменности широко представлена экзотическая лексика восточного происхождения, функционирование которой обусловлено особенностями жанра паломнической литературы.

В круг источников введены также тексты деловой письменности: официально-деловые памятники («Акты Московского государства» 1571–1644 гг., таможенные книги, посольские статейные списки), имеющие большое значение для исследования процесса становления литературных норм русского языка национального периода, его словарного состава, в том числе восточного фонда.

В качестве образцов деловой письменности были исследованы эпистолярные тексты («Частная переписка князя П.И. Хованского, его семьи и родственников» XVII в., «Письма царя Михаила Федоровича» 1619–1631 гг.), содержащие ценные сведения о частной и деловой жизни различных слоев населения Московского государства.

Значительную группу источников составляют памятники по истории народно-разговорного языка, которые демонстрируют широкое освоение восточных слов и их распространение в деловой и бытовой сфере: «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И. Безобразова)» (М., 1965), «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (М., 1968); «Грамотки XVII – начала XVIII в.» (М., 1969).

Особого внимания заслуживают памятники письменности, в которых зафиксирован ценный лексический материал историко-этнографического плана. Так, описи имущества, принадлежащего кругу царствующих персон («Платье царя Бориса Феодоровича Годунова, 1589 г.», «Царская утварь и платье царя Феодора Алексеевича, 1682 г.» и др.), дают возможность выявить пласты восточных заимствований, относящихся к различным лексико-тематическим группам (названия тканей, одежды, обуви, воинских доспехов, оружия, конского снаряжения и др.).

Материалы памятников конфессиональной литературы (жития, похвальные слова и др.), несмотря на ограниченную представленность ориентальной лексики в данных текстах, позволяют составить целостную картину функционирования иноязычных лексических единиц в разножанровых источниках старорусского языка.

Источниками для исследования послужили, кроме того, региональные исторические словари, вводящие в научный оборот материалы местной деловой

письменности XVI–начала XVIII в.: «Словарь языка мангазейских памятников XVII–начала XVIII в.» (Красноярск, 1971), «Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» (Смоленск, 2000), «Казанский край: словарь памятников XVI в.» (Казань, 2000), «Казанский край: словарь языка памятников первой четверти XVII в.» (Казань, 2008), «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в.» (Новосибирск, 1991) и др. Указанные лексикографические источники предоставляют необходимый материал для воссоздания истории словарного состава русского языка во всем его объеме.

Большую ценность представляют данные исторических и терминологических словарей русского языка («Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, Словарь русского языка XI–XVII вв., Словарь русского языка XVIII века, «Материалы для терминологического словаря древней России» Г.Е. Кочина и др.), которые позволяют определить как хронологию, так и пути проникновения ориентализмов в русский язык, их дальнейшее развитие.

При определении источника заимствования были использованы: 1) этимологические словари русского языка М. Фасмера, П.Я. Черных и др. и русских диалектов (А.Е. Аникин); 2) историко-этимологические исследования и сведения из этимологических этюдов В.И. Абаева, Р.Г. Ахметьянова, Н.А. Баскакова, К.Р. Галиуллина, Н.К. Дмитриева, И.Г. Добродомова, А. Жаримбетова, Ф.Е. Корша, Б.А. Ларина, А.С. Львова, П. Мелиоранского, И.И. Назарова, Г.Ф. Одинцова, Д.С. Сетарова, Ф.П. Сороколетова, Р.А. Юналеевой и др.; 3) русско-тюркские, тюркско-русские и другие двуязычные словари; 4) словарные материалы, отражающие лексику тюркских языков и диалектов, их этимологию («Словарь тюркских наречий» В.В. Радлова, «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой, «Этимологический словарь тюркских языков» Э.В. Севортяна и др.).

С целью уточнения источника заимствования были привлечены памятники древнетюркской и старотюркской письменности: 1) лексикографические материалы древних тюркских языков – словарь Махмуда Кашгарского «Диван лугât-ат-турк» («Собрание тюркских языков») 1072–1074 гг., Древнетюркский словарь XI в.; 2) филологические сочинения, например «Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV века на арабском языке)»; 3) издания, отражающие лексику отдельного или нескольких памятников, – «Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв.» А.К. Боровкова, «Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века» (в 2-х томах) Э.И. Фазылова и др.

Эмпирическая база исследования представляет собой картотеку, насчитывающую около двух тысяч слов (заимствований и их производных), отобран-

ных методом сплошной выборки из вышеназванных источников различного типа исследуемого периода.

Теоретическую основу исследования составили основные положения по проблемам взаимодействия языков, изложенные в классических и современных трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как Е.Э. Биржакова, В.А. Богородицкий, А.И. Бодуэн де Куртенэ, С.К. Булич, У. Вайнрайх, Ж. Вандриес, Л.А. Войнова, Н.В. Габдреева, Н.И. Гайнуллина, Л.М. Грановская, И.Г. Добродомов, М.З. Закиев, Л.П. Крысин, Л.Л. Кутина, И.И. Огиенко, М.В. Орешкина, Э. Спир, Б.А. Серебренников, А.И. Соболевский, Ю.С. Сорокин, З.К. Тарланов, А.Д. Эфендиева и др. Неоценимый вклад в изучение восточных заимствований в русском и других славянских языках внесли казанские лингвисты (Е.К. Бахмутова, И.И. Назаров, Р.А. Юналеева, К.Р. Галиуллин, Л.С. Бурганова, Л.К. Байрамова и др.).

Для разработки проблематики исследования существенное значение имели классические и современные работы по истории русского литературного языка – В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.В. Колесова, Ф.П. Филина, А.И. Горшкова и др.; по историческому словообразованию, фонологии и морфологии – В.М. Маркова, Э.А. Балалыкиной, Г.А. Николаева, А.А. Аминовой, З.П. Даниловой, Ю.С. Азарх, Е.М. Шептухиной, В.В. Колесова, В.И. Поставаловой, М.А. Пильгун и др.; по исторической лексикологии и семантике – М.М. Покровского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, О.Н. Трубачева, Д.Н. Шмелева, Е.С. Копорской, О.С. Мжельской, Т.М. Николаевой, Ф.П. Сороколетова, Г.В. Судакова и др. В диссертации учтены общие и частные положения по проблемам исторической лексикографии, разработанные Л.В. Щербой, Ю.С. Сорокиным, Г.А. Богатовой, Л.Ю. Астахиной, Г.Я. Романовой, М.И. Чернышевой и др.

Методологическую базу исследования составляет комбинация ряда общенаучных (наблюдение, описание, типологизация, обобщение) и частных лингвистических методов (моделирование, анализ словарных дефиниций, контекстный анализ, словообразовательный анализ и др.). В качестве основных использовались системно-структурный, сравнительно-исторический и типологический методы с элементами статистического анализа.

При описании иноязычной лексики использован системно-семасиологический подход, который проявляется во внимании к внутренней семантической структуре заимствований. А.А. Потебня, подчеркивая важность анализа семантики слова, отмечал, что в истории языка особого внимания заслуживает исследование «не звуковой наружности слов, которое при всей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания» [Потебня 1968: 5].

Материал исследования продиктовал необходимость выдвижения на первый план лексико-семантического аспекта изучения иноязычных новаций. Слово как одна из основных единиц языка является уникальным показателем системных связей, на многообразие которых указывал Н.В. Крушевский: « <...> слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [Крушевский 1883: 65–66].

Известно, что системные связи слов наиболее четко и полно выявляются в тексте, отражая закономерности функционирования лексем в языке определенного периода. Контекстуальный фактор, влияющий на условия употребления лексемы, представляет собой важный аспект в историко-лексикологических исследованиях, так как контекст, будучи частью письменного текста, зависит от жанровой принадлежности источника, что является характерным и для памятников старорусского периода. Жанровые особенности памятников, определяющие его стилистические признаки, могут быть отнесены к тому фактору, который не является собственно языковым, но связан с языковыми характеристиками источника.

Настоящее исследование основывается на принципах системности и историзма. Организация и подача материала базируется на системно-структурном подходе, позволяющем проследить механизмы адаптации заимствований в подсистемах языка. Исторический подход, реализованный в работе, дает возможность репрезентировать историю как отдельных, так и целых групп заимствованных слов. В.В. Виноградов подчеркивал, что открытие исторических закономерностей изменения форм и типов мышления невозможно без изучения истории языка, истории слов и их значений. Анализ каждого слова в работе состоит из его этимологической, хронологической и семантической характеристики, а также описания сферы употребления, причем дополнительные сведения из других периодов истории русского языка проясняют не только жизнь иноязычного заимствования в старорусском языке, но и его последующие семантические изменения. В этом, прежде всего, заключается своеобразие и сложность исследования.

Диссертация выполнена в духе традиций Казанской лингвистической школы, с учетом современных тенденций в развитии языкознания, характеризующихся отказом от исключительности того или иного общего метода, стремлением сочетать и комбинировать различные общие и частные лингвистические методы и подходы.

Научная новизна работы в первую очередь определяется материалом исследования, представляющим собой разнообразные в жанровом отношении памятники письменности периода XV–XVII вв. (публицистические, литературно-художественные, деловые и др.), содержащие значительное количество иноязычных слов восточного происхождения. При этом несомненным является тот факт, что «успех исследования и прежде всего его объективность зависят порой не столько от применения новых и усовершенствования старых методов, но также и от того, на каких источниках оно построено и в какой степени освоены эти источники» [Котков 1980: 17]. Предлагаемый комплексный подход к анализу языковых фактов позволяет впервые рассмотреть этапы формирования и стабилизации фонетического, морфологического, семантического статуса ориентализмов, определить словообразовательный потенциал заимствований, проследить особенности их освоения на фоне общих закономерностей развития русского языка Московской Руси (XV–XVII вв.).

Диссертационная работа представляет собой первый опыт описания процессов адаптации заимствованной лексики одного хронологического среза в динамическом аспекте на широком материале текстовых и лексикографических источников XV–XVII вв. и данных русского языка нового и новейшего периодов.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее вкладом в решение актуальных общелингвистических проблем, связанных с анализом механизмов адаптации заимствований как языкового процесса, имеющего общие закономерности, соотносимые с ментальным и языковым пространством контактирующих культур, развитие которых обусловлено общественно-историческими факторами и соответствующими коммуникативными потребностями носителей языка. При этом процессы адаптации рассматриваются на фоне общего состояния языковой системы исследуемого периода и в связи с основными тенденциями, определяющими начало формирования национального русского литературного языка.

Практическая значимость исследования. Основные положения и материалы диссертационной работы могут найти применение в лексикографической практике – при составлении словарей восточных заимствований русского языка; в языковедческой практике – при создании учебных пособий по лексикологии, этимологии, истории русского языка. Результаты исследования и наблюдения, приведенные в работе, могут быть использованы в вузовских курсах по исторической лексикологии, грамматике, фонетике, словообразованию, истории русского литературного языка, в спецкурсах по русско-тюркской контактологии, лингвографии, истории слов, лингвокультурологии и этнолингвистике.

На защиту выносятся следующие основные положения работы:

1. Восточные заимствования старорусского языка представляют собой значительный пласт лексики исследуемого периода, практически сохранившийся в современном русском языке. Механизмы адаптации восточных заимствований эпохи Московского государства устанавливаются на фоне основных тенденций развития русского языка исследуемого периода и рассматриваются в семантическом, фонетико-морфологическом, словообразовательном и функциональном аспектах.

2. Семантическое освоение анализируемых в работе лексем является одним из важных факторов адаптации иноязычной лексики в принимающем языке. Вместе с новыми реалиями, появившимися в жизни России исследуемого периода, в русский язык проникают и новые слова, причем большая часть восточных заимствований входит в русский язык без особого изменения исконной семантики. Однако ряд заимствованных слов претерпевает в процессе адаптации разнообразные семантические преобразования, носящие в языке закономерный характер (сужение, расширение значения, перенос по сходству, по смежности и т.д.). Развитие новых значений приводит к расширению сферы употребления восточных слов.

3. В фонетическом оформлении восточных слов наблюдается ярко выраженная вариативность как результат формальной адаптации восточных слов, обусловленной как типологическими чертами фонетической системы языка-источника, так и фонологическими особенностями заимствующего языка. В целом фонетико-графическое варьирование, будучи закономерным процессом, является показателем активного освоения заимствованного слова на русской почве. Исследование «фонетических компромиссов», которым подвергаются заимствования в языке-реципиенте, позволяет проследить фонетическую судьбу иноязычных слов, все возможные колебания при его адаптации и аргументировать высказываемые гипотезы, одна из которых связана с дифференциацией на уровне звуковой системы понятий «своя» и «чужая» лексема.

4. Грамматическая адаптация восточных заимствований в языке старорусского периода реализуется в закономерном приобретении иноязычными заимствованиями показателей грамматических категорий русского языка, к числу которых относятся категории рода и числа, а также формы падежного словозменения, что выразительно характеризует особенности функционирования соответствующих лексем в русском языке исследуемого периода и отражает зависимость грамматического оформления ориентализмов от их лексического содержания.

5. Словообразовательная активность восточного слова в процессе его адаптации является отражением динамики словообразовательной системы язы-

ка исследуемого периода. Результаты последовательной деривации на базе ориентализмов в виде словообразовательных рядов (цепочек) и словообразовательных гнезд выявляют не только своеобразие функционирования восточных заимствований в русском языке определенного хронологического периода, но и отображают фрагмент общей картины словообразовательной системы в истории русского языка.

6. Выявляется четкая взаимосвязь между уровнем функциональной активности и степенью проникновения ориентализмов в различные жанры русских письменных источников.

7. Концепция и разработанные принципы организации Словаря восточных заимствований позволяют продемонстрировать динамику и особенности функционирования значительного пласта русской лексики исследуемого периода.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования докладывались на международных конференциях, конгрессах и симпозиумах: «Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность» (Казань, 1995); «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 1997, 2008); «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Санкт-Петербург, 2008, 2009); «Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы» (Минск, 2008); «Восточнославянская филология: от Нестора до современности» (Горловка, 2008); «Языковые контакты Поволжья» (Казань, 2008); «В поисках эквивалентности IV» (Словакия, Прешов, 2008); «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, 2009); «IV международные Бодуэновские чтения» (Казань, 2009); «Развитие междисциплинарных исследований: перспективные направления и вклад в DAAD» (Казань, 2009); «Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка» (Тула, 2009); «Русская лексикография и фразеография в контексте слаистики: теория и практика» (Магнитогорск, 2009); «Язык – Общество – Время» (Казахстан, Алма-Ата, 2010); на всероссийских и межрегиональных конференциях: «Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и в школе» (Елабуга, 2008); «IV Тумашевские чтения» (Тюмень, 2010), а также на ежегодных итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава Казанского (Приволжского) федерального университета. По теме диссертации опубликовано около 40 работ, в том числе монография «Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв.» (11, 68 п.л.).

Структура работы определяется ее целями, методами и задачами. Диссертация состоит из введения, 6 глав, заключения, списка использованной ли-

тературы, источников исследования, словарей, списка принятых в работе сокращений. В качестве приложения к диссертационному исследованию представлен Словарь восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна избранной для изучения проблемы, излагаются теоретические предпосылки и методологические принципы исследования, устанавливается его теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи диссертации, даются сведения об апробации ее результатов, определяются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Языковая ситуация в Московской Руси XV–XVII вв. и восточное заимствование»** изложены особенности лингвистической ситуации старорусского периода в связи с историей контактов Руси с восточным миром, рассмотрены вопросы хронологии анализируемых восточных слов.

В разделе 1.1. *«Особенности языковой ситуации старорусского периода»* представлена общая характеристика языковой ситуации исследуемого периода, отмечается, что на ее формирование повлиял ряд факторов социально-экономического, историко-культурного и административного характера (объединение вокруг Москвы основных русских территорий, формирование централизованного бюрократического аппарата, переход общности русского народа в нацию). Указанные процессы повлекли за собой междиалектное взаимодействие, способствуя формированию общерусских норм в письменной и разговорной речи. На протяжении всего исследуемого периода (вплоть до XVIII в.) сохранял свой престиж, постепенно сужая сферу действия, церковнославянский язык, используемый в конфессиональной (литургической, канонической, гомилетической, дидактической) и конфессионально-светской (полемической, агиографической) литературе. В составе русского литературного языка исследуемого периода выделились две разновидности: книжно-традиционная и демократическая. Происходит активное наступление живого разговорного языка. Наряду с этим развивается деловая письменность. Исследователи подчеркивают зависимость между расширением функций деловой речи и усилением роли разговорной лексики в литературном языке (В.В. Виноградов, В.В. Колесов, Б.А. Ларин, Г.В. Судаков, Ф.П. Филин и др.). Начиная с середины XVI в. происходит узуальная выработка фонологических норм (аканье на среднерусской основе, севернорусская система консонантизма и др.), становление ряда грамматических явлений (например, окончаний *-ам (-ям), -ами (-ями), -ах (-ях)* в формах

склонения имен существительных) и увеличение общерусского лексического фонда.

Немаловажен тот факт, что XV–XVII вв. в истории социальных связей русского народа с восточными выделяются как особый период. В конце XV в. русские земли освободились от Золотоордынской вассальной зависимости. Происходит распад Золотой Орды, на бывшей территории которой в течение XV в. формируется Сибирское ханство (конец XV в.), Ногайская Орда (конец XIV–начало XV вв.), Казанское ханство (40-е гг. XV в.), Крымское ханство (1443 г.), Астраханское ханство (1459 г.) и др. Усиление Московского государства сопровождалось территориальной экспансией на восток.

Исследуемый период характеризуется интенсивными торговыми связями с восточными государствами. Так, в XV–XVI вв. основными контрагентами России, с которыми происходил товарообмен, были Иран, Турция, Крым, Ногайская Орда, Азербайджан, позднее, в XVII в. – Восточная Сибирь и Китай.

Наличие разного рода связей – политических, экономических, культурных – не могло не сказаться на языковом облике эпохи Московского государства. В свете современных лингвокультурологических исследований понимание языка как зеркала культуры и жизни страны не ново, оно имеет непосредственное отношение и к рассматриваемому периоду, когда язык, реагируя на внешние изменения, активно включал в лексический фонд новообразования, связанные с указанными изменениями. Ориентальные заимствования, являющиеся результатом контактов с восточными народами, составляют существенную часть словарного состава русского языка исследуемого периода. Совершенно справедливо в этой связи замечание Ф.П. Филина о заметном воздействии на великорусский язык лексики из языков Востока (прежде всего тюркских или иных, главным образом, через тюркское посредство), что вполне понятно, если учитывать интенсивные связи Московской Руси с восточными странами.

В конце XVII–начале XVIII в. произошла смена ведущих языковых тенденций в связи с политической и экономической переориентацией России на Запад. При этом на процесс адаптации и функционирования восточных заимствований этого периода оказали влияние: 1) перестройка принимающей лексикосемантической базы; 2) столкновение с волной иноязычных заимствований с Запада (XVII в.). Следовательно, можно говорить о своеобразной демаркационной линии между языком XVIII в. и предшествующими этапами, где прямые контакты с восточными народами (прежде всего тюркоязычными) занимали ведущее место.

В разделе 1.2 *«Хронологическая характеристика восточных слов в старорусском языке»* исследуемые языковые единицы рассматриваются с точки зрения времени вхождения их в заимствующий язык. При этом особую значи-

мость приобретают материалы, извлеченные из письменных источников (в данном случае памятников письменности старорусского периода).

Обнаруженные восточные заимствования в исследуемом разнотипном материале эпохи Московского государства отражают основные исторические этапы языковых контактов русского и восточных народов. Так, к древнейшим заимствованиям домонгольского периода (до XIII в.) относятся, например, следующие: *боярин/болярин*, *товар*, *терем*, *ковер*, *капище*, *шатер*, *лиман*, *болван* 'идол', *батог*, *бисер*, *сан*, *чертог*, *шар* 'краска', *лошадь*, *жемчуг*, *салтан*, *клобук*, *чекан*.

В XIII – XIV вв. в русский язык проникли такие восточные лексемы: XIII в. – *баскак*, *богатырь*, *бурый*, *дорога* 'чиновник', *коврига*, *ковчег*, *ковш*, *кулак*, *курган*, *орда*, *хоругвь*; XIV в. – *алпаут* 'приближенный хана', *алый*, *казначей*, *кирпич*, *колымага*, *лачуга*, *сабля*, *тамга*, *ямщик*.

В XV в. фиксируются заимствования: *абыз* 'священнослужитель', *алафа/олафа* 'жалованье, награда', *амбар/анбар*, *аргамак*, *аршин*, *базар*, *батман*, *баграм* 'мусульманский праздник, байрам', *брага*, *катуна* 'госпожа', *колпак*, *коитул* 'ставка хана', *кош* 'стан, обоз', *сагадак*, *фата*, *хан*, *харч*, *шерть* 'присяга' и др.

Наибольшее количество ориентализмов датируется XVI–XVII вв.: XVI в. – *аминь* 'высокопоставленное лицо при дворе в странах мусульманского Востока', *арбуз*, *байрак*, *барс*, *басма*, *бахмат*, *бугор*, *буланый*, *булат*, *бурав*, *вор*, *войлок*, *изумруд*, *катер* 'мул', *каурый*, *крагуи*, *кушак*, *лал*, *мечеть*, *мухояр*, *сеит*, *судак*, *тафья*, *учуг*, *ферезь*, *чалма*, *чубарый*, *юрт*, *ясак* и др.; XVII в. – *абаса* 'персидская серебряная монета', *абдал* 'дервиш', *ага* 'военачальник', 'почетный титул', *алтабас* 'парча', *аманат* 'заложник', *арчак* 'деревянный остов седла, седло', *базлук* 'род подковы с шипами для хождения по льду', *балахон*, *барыш*, *будара*, *буза*, *бузун*, *изьян*, *ишак*, *казан*, *кистень*, *корсак*, *кумач* и др.

Приведенная временная характеристика восточных слов относительно и не может претендовать на окончательную точность, несмотря на объективность показателей, ибо регистрация заимствований в памятнике письменности не позволяет считать ее годом вхождения в язык в силу возможной утраты или недоступности текстов более раннего периода (см. работы В.Ф. Миллера, И.Г. Добродомова).

Нередко материалы памятников позволяют уточнить лексикографические данные относительно первой фиксации слова. Необходимо отметить, что документированная хронология, хронология по фиксации – важный показатель при характеристике заимствования, так как установление фактов употребления слова в ранних памятниках письменности предоставляет новые материалы изучения его функционирования в языке-реципиенте (см.: [К.Р. Галиуллин 1991]).

Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. не зафиксированы некоторые восточные заимствования и производные от них, выявленные нами в исследуемых источниках XV–XVII вв. Это такие лексемы, как *арбузец* (Переп. Безобразова, 94. XVII в.); *азифь* ‘знаток, чтец Корана’ (Каз. ист., 149. XVI в.); *воруха* ‘развратная женщина’ (Ав. Кн. толк., 461. 1677 г.); *инчи* ‘скатный жемчуг’ (Х. Аф. Никит., 22. 1466–1472 гг.); *дугень* ‘лавка, торговые ряды’ (Аз. пов., 55. 1673 г.); *киса* ‘сумка, мешок, котомка’ (Росп. прид., 125. XVII в.); *курбан* ‘жертва’ (Х. Тр. Короб., 99. 1593–1594 гг.); *лальный* ‘украшенный лалами (драгоценными камнями)’ (Пов. ц. Динары, 91. XV–XVI вв.); *мечетный* (Каз. ист., 157. XVI в.); *натесемничек*, уменьш. к *натесемник* ‘деталь пояса’ (Оп. им. Ив. Гр., 37. 1582–1583 гг.) и др.

По ряду восточных слов нами выявлены более ранние фиксации, чем те, которые имеются в Словаре XI–XVII вв. Например, заимствование *алафа* ‘награда, дар’, датируемое в Словаре XVI веком, обнаружено в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466–1472 гг.); лексема *атаман* ‘старший в каком-либо деле; вождь, предводитель’, представленная в Словаре 1620 годом, отмечена «Истории о великом царстве Московском» Андрея Курбского (XVI в.) и др.

Памятники письменности, оставаясь основным источником изучения истории слова в заимствующем языке, представляют относительно надежные данные временного фиксирования лексического состава русского языка, в том числе его восточного фонда. Дальнейшее углубленное изучение материалов памятников письменности позволит ввести в научный оборот новые достоверные сведения для хронологической характеристики словаря русского языка.

Во второй главе «Семантическое освоение ориентализмов в русском языке XV–XVII вв.» анализируются процессы преобразования семантической структуры восточных слов в тесной связи с различными этапами освоения, определяются закономерности семантической адаптации заимствований, их особенности как элементов лексической системы русского языка.

Раздел 2.1. «Семантическая характеристика ориентализмов на стадии вхождения в русскую лексическую систему» посвящен анализу заимствований на этапе вхождения в язык-реципиент. Выявлено, что в процессе вхождения в лексико-семантическую систему русского языка ориентализмы проходят две стадии: 1) функционирование в качестве экзотизма, когда слово употребляется для обозначения ранее неизвестных для носителей русского языка реалий, понятий; 2) утрата восточным заимствованием экзотической окраски и окончательное включение его в систему русского языка. Важен тот факт, что практически все ориентализмы на стадии вхождения функционировали в качестве экзотизмов. Однако отдельные ориентализмы так и не преодолели второго этапа

освоения в системе заимствующего языка, сохраняя свою экзотичность. Обычно это религиозная, социальная терминология, наименования предметов восточного быта, растений и др. Ср.: *абыз* 'священнослужитель у мусульман', *ага* 'военачальник (у турок, крымских татар, ногайцев)', *аракчин* 'шапочка, тубетейка', *имилдеш*, *карач/корач* 'представитель высшей знати у крымских и казанских татар, советник хана', *кешиш* 'священник', *мулла*, *намаз*, *принч* 'рис', *тафья* 'маленькая круглая шапочка, род тубетейки', *чалма*, *хан* и др.

В исследуемых источниках экзотизмы встречаются во всех жанрах: в публицистических текстах, исторических повестях, в хождениях на Восток, путешествиях русских послов и т. д. Например: *И до подворья проводили аги с янычаны и пристава, и Ивана читли, и кормы на подворье присылал* [азовский диздар Сеферь], *доколе Иван в Азове был* (Ст. сп. Новосильцева, 64. 1570 г.); *И отдаша намъ царя [Казанского] своего со единымъ корачомъ, што наибольшимъ ихъ* (Курб. Ист., 200. XVI в.) и др. Приведенная выше экзотическая лексика имеет разный характер. Одна часть экзотизмов, функционирующая на периферии лексической системы, сохранилась только в памятниках исследуемого периода, ср. *имилдеш* (из тюрк. *ämikdäš* 'молочный брат' от *äm-*, *im-* 'сосать грудь') 'название человека, вскормленного вместе с царевичем одной кормилицей (у татар)'. Часть экзотизмов проявила жизнеспособность и стала активно функционировать в исследуемый период, что было связано с заимствованием самой реалии. К такого рода экзотизмам можно отнести лексему *тафья* (тур., тат. *takja* 'шапка', чув. *toxja* (от араб. *ṭāqija*)). Для ряда экзотизмов восточного происхождения характерна определенная локальная приуроченность, ср. употребление фарсизма *абаса/обаса* 'персидская серебряная монета' (от перс. 'abbāsi 'серебряная монета, чеканенная шахом Аббасом').

В разделе 2.2. «Основные направления формирования лексического значения восточного слова» определены закономерности формирования лексического значения заимствованного слова, связанные с характером объекта номинации и особенностями лексико-семантической системы языка-реципиента. Заимствованные слова восточного происхождения, будучи преимущественно обозначениями конкретных реалий, проходят в своем семантическом развитии путь от референтного словоупотребления в тексте (наименование конкретных предметов, явлений) к денотативному осмыслению (обозначение заимствованным словом класса однородных явлений) и, наконец, к развитию сигнификативных долей значения (вычленение наиболее существенных для данного класса реалий признаков). Кроме того, многие восточные слова развивали коннотативный блок значений, отражающий эмоционально-оценочное отношение говорящих к денотату заимствования и заключающий в себе стилистическую характеристику слова.

Основная масса заимствований вошла в русский язык XV–XVII вв. с сохранением значения слова-прототипа. Как правило, это наименования часто встречающихся в исследуемый период реалий (*алтабас* ‘парча’, *башмак*, *буза* ‘хмельной напиток’, *бузун* ‘озерная, самосадочная соль’, *бурав*, *ез* ‘сооружение на реке для ловли рыбы’, *кишнец* ‘плоды растения кориандра’, *лебеда*, *нефть*, *пенька*, *шандал* ‘подсвечник’, *яхонт* и др.). Иногда слово заимствовалось в одном из своих конкретных значений. Например, слово арабского происхождения *аманат* проникло в русский язык через тюркские языки, в которых оно имело значение ‘зalog, заложник’. Однако *аманатами* в Московской Руси, как пишет Н.К. Дмитриев, назывались именно заложники, которых московские князья и цари брали из Сибирской Орды Кучума, а позднее – из независимых ханств Средней Азии. Заимствование довольно активно использовалось в анализируемых памятниках письменности.

На этапе вхождения исконное значение восточного слова подвергается различным модификациям. Примером изменения значения восточного слова (метонимический перенос) в русском языке стали заимствования *тулумбас* (*тулунбаз*) ‘большой турецкий барабан’ (от тур. *tulumbaz* ‘играющий на литавре’), *азям* ‘название одежды’ (азерб. *Adžam* ‘Персия’, тур. *adžām* ‘перс’ от араб. ‘ağamē ‘не араб’).

В разделе 2.3. «Семантическое развитие восточных заимствований» определены основные направления семантических изменений анализируемых лексем (расширение объема значения, метонимический перенос, метафоризация). Формирование семантической структуры заимствования на русской почве происходит в результате развития новых специальных значений, способствующих расширению синтагматических связей, которые приводят к образованию достаточно устойчивых словосочетаний, называющих те или иные предметы, прочно вошедшие в русский быт (*амбар икряной*, *хлебный*, *чарочный*; *аршин печатный* и др.).

Развитие значения как результат ассоциации по смежности наблюдается у заимствованных существительных конкретно-предметной семантики. Ср. название ткани → наименование куска ткани определенного размера (*зуфь* ‘шерстяная ткань’ → *четыре вишневых зуфы*); наименование сосуда → наименование меры жидкости, помещающейся в этом сосуде (*бадьа* → *дехтю 2 бадьи*) и др.

Одним из закономерных видов изменения значения восточного слова является и метафоризация, которая представлена реже, чем указанные явления метонимического характера. В языке исследуемых произведений Московской Руси процессы метафоризации являются хотя и редкими, но достаточно показательными, поскольку именно метафора, как особое средство выразительности,

отражает глубину вхождения ориентального слова в лексическую систему русского языка представленного в работе периода. Ср., например, *бисер* 'драгоценность' (по отношению к Христу) как символ высшей степени истины, духовной ценности, *небесный чертог* 'небесная обитель, рай', *Ноев ковчег* как символ спасения мира и др. При этом метафорическое использование отдельных заимствований продолжает развиваться и функционировать в системе образных средств литературного русского языка нового и новейшего периодов. Данные метафоры в литературном языке нового времени использовались и как поэтические элементы текста, и для выражения иронически-шутливого отношения к объекту оценки (ср.: *ковчег* – 'большое, ветхое, старомодное судно, повозка', *чертог* – 'о комнате, помещении').

В разделе 2.4. «Восточное слово как элемент лексической системы языка» рассматриваются заимствования в лексической структуре русского языка изучаемого периода.

В подразделе 2.4.1. «Ориентализмы в составе тематических групп» представлена тематическая характеристика анализируемых заимствований. Исследование лексики по тематическим группам, несмотря на отдельные слабые стороны подобного подхода, целесообразно и удобно по отношению к конкретным словам, в значении которых преобладает денотативное содержание. В тематическом аспекте ориентализмы широко охватывали различные сферы общественной и частной жизни:

государственное устройство, чиновный аппарат, администрация; звания, титулы, обращения: *амира* 'титул правителя', *бек* 'титул высших чиновников', *илдырхан* 'титул правителя', *мурза* 'князь', *паша*, *хан*, *шубаш* 'начальник полиции' и др.;

административно-территориальные единицы: *кабак* 'поселение', *улус*, *юрт* 'область', 'страна, поселение' и др.; налоги, грамоты: *кабала*, *ярлык*, *ясак*; печати, тиснения: *тавро*, *тамга* и др.;

военная лексика: *аманат* 'заложник', *ясырь* 'пленный', *санчак* 'правитель области в Османской империи', *табор* 'стан, становище, лагерь, обоз', *тюфянчей* 'стрелец', *янычар* 'отборные войска в султанской Турции'; *бехтерец* 'панцирь из металлических пластинок', *саадак/сагадак* 'вид оружия', *сабля*, *тома-ра* 'стрела особого рода' и др.;

торговля, денежные расчеты: *базар*, *батман*, *безмен*, *гыря* 'гиря', *кентарь* 'мера веса', *рахтан* 'таможенная пошлина', *товар*; *абаса* 'персидская серебряная монета', *алтын*, *шитель* 'медная монета' и др.;

религия: *дербыш/дервиш* 'мусульманский аскет', *кешиш/кешит* 'священник', *мулла*, *пир* 'старец', *ших/шейх* 'святой'; *байрам-курбан*, *байрам-рамазан*;

улубагрим 'большой праздник'; *болван* 'идол, кумир', *намаз*, *фата* 'фатха, название первой суры Корана' и др.;

наименования лиц: *арап* 'негр', *бесермен/бусурман/бусорман*, *гарип* 'чужеземец', *караваши* 'рабыня, невольница', *катуна* 'госпожа', *кофар* 'раб-индус', *кул* 'раб, невольник, слуга', *палач*, *толмач* и др.;

названия одежды, головных уборов, обуви: *азям*, *кафтан*, *кушак*, *фата* 'покрывало на голову', 'повязка на бедрах', *чуга* 'узкий кафтан', *штаны*; *башмаки*, *четыги*, *попучь/попучи* 'вид обуви', *чеботы* и др.;

ткани: *алача* 'персидская ткань', *бархат*, *изуфрь* 'шерстяная ткань', *камка*, *киндяк*, *кутня*, *миткаль*, *мухояр*, *тафта*. *фарауз* 'сорт шелковой ткани' и др.;

меры длины: *аршин*, *косяк*, *агач* 'путевая мера длины' и др.;

драгоценные камни и украшения: *бечет* 'гранат, рубин', *алмаз*, *ахик* 'сердолик', *бисер*, *бирюза*, *жемчуг*, *яхонт*, *яшма*; *серьги* и др.;

музыкальные инструменты: *барабан*, *домра*. *накры*, *сурна* и др.

животный и растительный мир: *бабр* 'тигр', *баран*, *ишак*, *обезьяна*, *слон*; *арбуз*, *изюм*, *камыш*, *тутурган* 'рис' и др.;

рельеф местности: *бугор*, *буерак*, *култук* 'залив' и др.;

сооружения: *амбар*, *дугень* 'лавка', *лачуга*, *чердак*, *чулан* и др.;

орудия труда, инструменты: *бурав*, *кирка*, *кочерга* и др.;

коневодческая лексика: *аргамак*, *бахмат*; *буланный*, *игрений*, *каурый*, *чалый*, *чубарый* и др.;

предметы быта: *бумага*, *ковер*, *палас*, *чирак* 'подсвечник', *шандал* и др.;

сосуды,местилища: *корчага*, *кумган*, *лохань*, *сундук* и др.;

кушанья и напитки: *брага*, *буза*, *чихир* 'крепкое вино', *шарап* 'вино', *харч* и др.;

транспортные средства: *каптан* 'зимняя крытая повозка', *кестяк* 'корабль, барка', *колымага* 'закрытый экипаж шатрового типа', *тава* 'корабль', *телега* и др.;

вещества: *бура*, *сургуч*. *сурьма* и др.;

абстрактная лексика: *барыш*, *изъян*, *халял* 'дозволенное религиозным законом' и др.

В подразделе 2.4.2. «Восточные заимствования в составе лексико-семантических групп (на примере ЛСГ наименований цвета)» представлена история цветовых прилагательных восточного происхождения (*алый*, *бурый*, *таусинный*), которая довольно показательна в плане семантических преобразований, поиска своей «ниши» в группе цветообозначений русского языка. С одной стороны, позитивная коннотация колоратива *алый*, расширение его синтаксических связей и функционирование в качестве образного средства позволило за-

имствованию влиться в систему цветовых номинаций и занять прочное положение в русском литературном языке. С другой стороны, прослеживается своеобразное «семантическое снижение» в истории экзотического прилагательного *таусинный*, обусловленное экстралингвистическими факторами (на этапе вхождения *таусинный* ‘цвета павлиньего пера, переливчатый’ – модный цвет, близкий к фиолетовому). Позднее прилагательное было вытеснено новыми заимствованиями, появившимися в XIX в. (например, *фиолетовый*), что стало причиной полного исчезновения лексемы. Что касается прилагательного *бурый* ‘темно-коричневый цвет с сероватым или красноватым оттенком’, то закрепление его в специальном значении было обусловлено появлением семантического эквивалента *коричневый*, способствовавшего сохранению лексемы *бурый* только в народно-разговорной речи.

Подраздел 2.4.3 «Восточные заимствования в рядах лексических синонимов» посвящен анализу заимствованных лексем, включающихся в различные синонимические ряды. Попадая в чужое окружение, иноязычные слова находят в поисках семантических эквивалентов. Как справедливо отмечает Ю.С. Сорокин, иноязычные слова первоначально функционируют в русском языке «на положении полных или частичных синонимов». В течение определенного времени новое слово вступает с существующими единицами в парадигматические и синтагматические отношения, развивая оттенки значения, и, как следствие данного процесса, происходит «семантическое размежевание «своего» и «чужого», которые, несмотря на близость значений, начинают различаться некоторыми семантическими признаками, а также сферой употребления» (Л.П. Крысин). Таково формирование значения у заимствования *сеунч* ‘известие, весть (преимущественно радостная)’ (из тур. *sāvinç* ‘радость’, крым.-тат. *sāvinç*, чагат. *sāvünç* ‘радость’), синонимичного исконному *весть*. Впервые заимствование *сеунч* представлено в «Ярлыке хана Бердибека митрополиту Алексею» (вт. пол. XIV в.) в значении ‘гонец, посол’: *Сеунчъ Темиръ, Мюрбакшей писати. Ярл. Берд. 1357 г. (Срезневский, т. III, стлб. 343).* Однако заимствование *сеунч* в указанном значении не получило широкого распространения. Как свидетельствуют материалы исследования, слово *сеунч* ‘известие, весть (преимущественно радостная)’ часто встречается в деловых памятниках письменности, в публицистических, эпистолярных текстах, ср.: *И за сеунчъ дано ему [Никифору Яцыну] государева жалованья: камка куфтеръ, 10 рублей денегъ, да придачи 100 чети, денегъ 6 рублей* (АМГ I, 455. 1633 г.). Характерно, что субстантивное производное *сеунчик* представлено преимущественно в деловых текстах. Активному функционированию слова *сеунч* способствовали и производные – *сеунчество* ‘сообщение, донесение’, *сеунчевати* ‘извещать кого-л., сообщать радостные вести’. Таким образом, в русском языке произошла специализация значения за-

имствования *сеунч*, связанная с использованием наименования в военной сфере, причем значение слова-прототипа было широким и неопределенным.

Вхождение восточных слов в различные лексико-семантические группы способствовало и стабилизации отношений между их членами. Ср. семантическую эволюцию древнейшего заимствования домонгольского периода *лошадь* в качестве общерусского родового названия, ставшего, как показывают наблюдения Г.Ф. Одинцова, доминирующим компонентом для богатой лексико-семантической группы названий лошадей: *конь, кляча, кобыла, лошадь, мерин*.

В современном русском языке слово *лошадь* сохраняет свое общеродовое наименование животного, самки и тяглового животного; реже используется для обозначения воинского, верхового коня. В переносном значении лексема в разговорной речи приобрела сниженный, негативный характер для оценки неуклюжего, неповоротливого или неумного человека (см.: [ССРЛЯ, т.6, стлб. 381]).

Итак, в результате взаимодействия восточных инноваций, дублирующих исконные термины, происходит как семантическая дифференциация заимствования в языке-реципиенте сравнительно с исконными эквивалентами, так и перегруппировка в лексико-семантических группах в связи с появлением заимствованного слова-доминанты.

В подразделе 2.4.4. «Формирование фразеологических единиц на базе восточных заимствований» рассматривается употребление восточных слов в составе устойчивых словосочетаний, что является показателем стабильного положения заимствования в лексическом составе русского языка. На основании детального изучения представленного в работе лексического материала следует, что восточные заимствования в составе фразеологических единиц в исследуемых текстах встречаются не так часто. Это прежде всего полностью обрусевшие иноязычные слова, к числу которых можно отнести, например, наименования денежных единиц – *алтын, деньга, пул* и др.

В третьей главе «Фонетическая и грамматическая адаптация ориентализмов в русском языке XV–XVII вв.» содержится исследование формального и морфологического освоения заимствований, закономерностей их функционирования в привлекаемых к исследованию текстах. Формальное освоение заимствованной единицы связано с генетическим родством или типологической близостью языков. Меньшее сходство контактирующих языков обуславливает глубокие изменения в заимствуемом слове с целью включения его в принимающую систему. Однако «нередко сближение языков, независимо от характера первоначальных связей между ними, обусловлено их взаимопроникновением, степень и размеры которого зависят от разных обстоятельств, и прежде всего от продолжительности и интенсивности контактов» [Щербак 1970: 11]. Характер изменений, происходящих в заимствуемом слове, предопределен воз-

возможностями не только дающей, но и принимающей системы, ее способностью декодировать звуковую структуру чужого языка и адаптировать ее к фонетической системе своего языка. Восточные заимствования, отличающиеся отсутствием генетического родства с заимствующим русским языком и характеризующиеся типологическими различиями, подвергаются значительной формально-грамматической адаптации в языке-реципиенте.

Функционирование восточных заимствований в русском языке отмечено их вариативностью (особенно на начальном этапе освоения), что обусловлено определенными факторами: 1) наличием нескольких источников заимствования (явление многоконтактности); 2) высокой способностью заимствований вступать в контаминацию с другими словами в языке-реципиенте; 3) передачей иноязычного материала в русском языке различными способами, связанными с разной звуковой реализацией фонем языка-источника и заимствующего языка. Для восточных слов, как и для многих ранних иноязычных лексем русского языка, характерен устный путь заимствования. Известно, что в процессе устного, непосредственного заимствования, не подкрепленного письменным обликом слова, может происходить искажение его звуковой оболочки. Этим также объясняется фонетическая вариативность восточных заимствований не только в пору их вхождения в язык, но и в течение их продолжительного функционирования в русском языке, так как при заимствовании лексемы в сознании носителей воспринимającego языка происходит «просеивание» звуковой оболочки чужого слова через «фонологическое сито» (по терминологии Н.С. Трубецкого) родного языка, обеспечивающее его членораздельность в заимствующем языке. Н.С. Трубецкой писал: «Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого произвольно используем привычное нам «фонологическое сито» своего родного языка. А поскольку наше «сито» оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают многочисленные ошибки, недоразумения» [Трубецкой 2000: 85]. Так, экзотизм *караван-сарай* 'постоялый двор для караванов', прежде чем обрести исходную фонетическую форму, имел в исследуемый период ряд фонетических и фонетико-графических вариантов, ср.: *кермасарай*, *кермасерай*, *карвасарай*, *корван сарай*, *карасамрай* и др.

В разделе 3.1. «Фонетико-графическое освоение восточных слов» характеризуются особенности фонетической адаптации ориентализмов. При переходе в иноязычную среду у заимствованного слова происходит адаптация плана выражения, преобразование его звуковой оболочки, то есть фонемное декодирование и замена звуков чужого языка близкими по акустико-артикуляционным характеристикам русскими звуками, представленными в письменных текстах графемами языка-реципиента. Так, в исследуемых памятниках были отмечены следующие регулярные отождествления (субституции) звуков восточных язы-

ков и звуков русского языка: [b] → [б]; [p] → [п]; [n] → [н]; [m] → [м]; [d] → [д]; [t] → [т]; [s] → [с]; [z] → [з]; [ʃ] → [ш]; [č] → [ч]; [l] → [л]; [r] → [р]; [k] → [к]; [g] → [г]; [q] → [к]; [ɣ] → [г]; [χ] → [х], [r] и т. д. Ср.: тат., каз., тоб. *abyz* 'ученый, мулла' → рус. *абыз* 'священнослужитель у мусульман'; тур., азерб. *ауа* 'мера длины от 6 до 7 верст' → рус. *агач* 'путевая мера длины'; тат., тар. *ахун* 'старший мулла', бараб., тоб. *акун* → рус. *агун* 'духовное лицо у мусульман'; тат., кирг. *алача* 'полосатая ткань из Средней Азии' → рус. *алача* 'название шелковой или бумажной ткани'; тат., чагат. *агуатак* 'арабский благородный конь' → рус. *аргамак*; тур. *doloman*, *dolama* 'суконная одежда янычар' → рус. *доломан* 'длинная верхняя одежда'; чагат., тар., кирг. *дараи* 'тяжелая шелковая ткань' → рус. *дороги* 'восточная шелковая ткань'; чагат., тат., тел. *караул* 'стража, караул; сторожевой отряд' → рус. *караул*; тур. *kaitan* 'шелковый шнурок, кисть, кисточка' → рус. *гайтан* 'шнурок'; кыпч. *sunduq* 'ящик' → рус. *сундук*; чагат., уйг., тат. *тамға* 'клеймо владельца, печать, подать, пошлина' → рус. *тамга*; перс. *хәмиан* 'кошель, бумажник' → рус. *хамьян* 'кошелек, бумажник'; кыпч., казах., кирг. *šaitan* → *шайтан*; тур. *šağar* → рус. *шарап* 'вино' и др.

Принадлежность контактирующих языков к типологически разным системам наложила значительный отпечаток на фонетико-графическую передачу заимствованных единиц. Так, например, своеобразие тюркских языков, по мнению А.М. Щербака, заключается не только в том, что общие моменты имеют в них совершенно иную природу, чем в индоевропейских языках, а в том, что в них *все гласные могут переходить во все*, и в том, что эти моменты, из-за многократного влияния одних тюркских диалектов на другие, труднее поддаются разграничению (см.: [Щербак 1979: 17]). Несомненно, что фонетико-графическая вариативность заимствованных слов обусловлена в первую очередь качественными характеристиками фонетических систем восточных языков, набором их дифференциальных признаков, спецификой артикуляционно-акустических характеристик звуков.

В подразделе 3.1.1. «Адаптация в системе вокализма» представлены фонетико-графические варианты восточных заимствований на вокалическом уровне. Недостаточная дифференциация при восприятии восточных фонем, отличающихся по ряду и подъему от русских гласных, отражается в фонетико-графической вариативности ударных гласных, ср.:

и/е: *инбир* – *инбер* (от араб. *zenğebil*);

и/я: *фитиль* – *фетяль* (из тур. *fitil* от араб. *fatīl*);

е/я: *зендень* – *зендянь* 'хлопчатобумажная ткань' (от бухарского местного названия *Zandana*, *Zendene*) и др.

В исследуемых памятниках широкое отражение находит чередование безударных *о/а* как в абсолютном начале слова (в анлауте): *аба* – *оба*, *абыз* –

обыз, азым – озым, алам – олам, алмаз – олмаз, алтабас – олтабас, алтын – олтын, анбар – онбар, армяк – ормяк, арчак – орчак и др., так и после согласных, особенно характеризующихся лабиовелярностью (бемольностью): *бадьа – бодья, базар – бозар, барсук – борсук, батрак – ботрак, гайтан – гоитан, кабак – кобак, калач – колач, каптан – коптан, капычей – копычей, караван – корован, сайдак – сойдак, сакма – сокма, таган – тоган, фата – фота* и др.

Данное графическое чередование в первую очередь связано с одинаковой степенью раствора речевого тракта у тюркских гласных [a], [ä] и [o], [ö], что обусловило их смешение при восприятии русскими. Кроме того, оно могло усиливаться лабиальным характером тюркского [a^л], который, как отмечают многие тюркологи, «отличается огубленностью, особенно в начальных слогах» [Сафиуллина 1998: 244]. Чередование [a]/[o] можно считать яркой приметой тюркских заимствований в исследуемых памятниках, так как оно является частотным и встречается почти в каждом новом заимствовании, закрепляясь со временем в одном из возможных вариантов: *кобала/кабала → кабала, козак/казак → казак; очаг/ачаг → очаг, товар/тавар → товар* и др.

Смешение [o]/[a] могло поддерживаться возникшей в середине XIV в. редукцией русских безударных гласных, сформировавшей аканье. Развитие аканья, по мнению В.В. Колесова, проявлялось не только в замене безударного [o] гласным [a], но и в факультативном сохранении [o] (ср.: *копна* – [копна]), а также в произношении [o] вместо [a], например, *капель* – [коп'ел'].

Подраздел 3.1.2. «Адаптация в системе консонантизма» посвящен анализу заимствований на консонантном уровне. Несмотря на значительные различия консонантных систем восточных и славянских языков, встречающиеся в памятниках графические консонантные варианты заимствований отмечены единичными примерами. Представлены следующие варианты, различающиеся согласными, парными по звонкости/глухости: *к/г – бег/бек, т/д – ичедоги/ичедоги, с/з – ясырь/язырь*; по способу и месту образования: *с/ч – санчак/чанчак, к/х – бакча/бахча* и др.

В тюркских языках противопоставление глухих и звонких согласных обнаруживается во всех положениях, однако оно не имеет фонологической нагрузки. Тюркские звонкие согласные отличаются от соответствующих русских и акустически: в сравнении с русскими полновзвонкими они являются полувзвонкими и слабыми, что не дает возможности четко дифференцировать их при восприятии русскоязычными носителями. Как отмечает А.М. Щербак, звонкость этих слабых факультативна: слабые могут быть и глухими, и полувзвонкими, и полновзвонкими [Щербак 1970: 88]. Важной является и фонетическая позиция их в слове: более четко звонкие согласные воспринимаются в середине слова между гласными, а в начале слова и в его исходе они в значительной сте-

пени оглушаются (например: тат. *lapos*, чув. *luṣas* – лабазъ, тат. *čolgān*, чув. *tšulga* – чулокъ). Характерно, что первое появление заимствованного слова *без* ‘титул высших чиновников у тюркских народов’ с конечным звонким [г] в русском языке письменно оформлялось в соответствии с фонетическими особенностями слова в языке-источнике (крым.-тат., туркм., чагат. *bāg*). В «Хождении» Афанасия Никитина впервые представлено заимствование в составе имени собственного: *И Булатъбегъ послалъ скоро да къ ширваншебегу: что судно русское разбило под Тархи, и кайтакы пришедь людей поимали, а товаръ их розъграбили* (Х. Афан. Никит., 12. 1466–1472 гг.). Ср. также в Статейном списке Новосильцева: *Было деи под Асторохонью турских людей голова Касим-бег Кафинской да восемь санчаков воевод* (Ст. сп. Новосильцева, 65. 1570 г.). Позднее, функционируя отдельной словоформой, заимствование приобрело оглушение конечного согласного [г] – *бек*, например, в «Хождении» Федота Котова: *А у обоих ворот стоят беки да тюфянчеи, а по рускому дети боярские да стрельцы* (Х. Котова, 42. 1624 г.).

Фонетико-графические варианты с чередованием сонорных *м/н* – *жемчуг/женчуг* (др.-тюрк. *jānčü* ‘жемчуг’, чагат. *jāndžü*), *тулумбас/тулунбас* (тур. *tulumbas* от тур. *tulum* ‘литавра’ и перс. *bāz* ‘играющий’), *чини/чими* (из тур. *çini* ‘фарфор’) – отражают в первую очередь фонетические особенности тех тюркских языков, которым могло быть свойственно указанное чередование. Ср. в старотюркском памятнике XIV в. «Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке)»: *тырна* – *тырма* ‘царапать’. Хотя точная причина этого явления не установлена, некоторые лингвисты связывают это явление с сингармоничным влиянием окружающих гласных, другие относят к наличию в языках междиалектного соответствия.

Колебание графем *ш/щ* в заимствованных словах типа *шербет/щербеть* ‘восточный прохладительный напиток’ (тур., караим. *šärbät*), *штаны/щаны* (др.-тюрк. *išton* из *ičton* ‘подштанники’) обусловлено в первую очередь неполным отверждением в исследуемый период древнерусской фонемы <ш> и фонологической неустойчивостью фонемы <ш’> [ш’ч’], [ш’т’]. По мнению В.В. Колесова, фонема <ш> сохраняет свою мягкость вплоть до XVII в., при этом в рукописях XVI–XVII вв. постоянно встречаются примеры смешения графем *ш* и *щ* [Колесов 1980: 153, 157].

В целом фонетико-графическое варьирование, будучи закономерным процессом, является показателем активного освоения восточных слов на чужой почве по фонетическим законам русского языка.

В разделе 3.2. «Грамматическое освоение ориентализмов» исследуются проблемы морфологической адаптации заимствований. Восточные слова, как и вообще все иноязычные единицы, заимствуются русским языком в своей ис-

ходной форме, лишаясь исконных способов выражения грамматических категорий. С точки зрения своего структурно-морфологического состава восточное заимствование представляет собой нечленимую единицу. В основной массе заимствования из восточных языков – это имена существительные.

Подраздел 3.2.1. «*Адаптация по роду*» посвящен рассмотрению освоения заимствований по грамматическому роду. Часто родовое оформление неодушевленных заимствованных существительных получает зависимость от финали слова. Так, субстантивы с финалью на гласный *-a* приобретают признаки женского рода. Ср.: *алафа* ‘награда, жалование’, ‘оброк’ (тур. *ülüfe* ‘жалование’ от араб. *‘ulüfa* ‘жалование, плата’), *арба* ‘двух- или четырехколесная повозка’ (крым.-тат., казах., кирг., тат. *arba*, тур., азерб., чагат., караим. *araba*), *бакча* ‘огород, сад’ (тат., уйг. *bakça*, караим. *bahça* ‘огород’, чагат., туркм. *bagça* ‘сад’, тур. *bagçā* ‘сад’), *буза* ‘хмельной напиток’ (тат., чагат., тоб. *buza* ‘напиток из проса или ячменя’), *лебеда* (казан. *alabuta*, *ala bota* ‘лебеда’, кум. *alabota*; башк. *алабута*, кирг. *алабата* ‘лебеда’) и др.

Существительные восточного происхождения с консонантной финалью приобретают категорию мужского рода, например: *арбуз* (через кыпч. *ḡarbuz*, тур., крым.-тат. *karpuz* из перс. *ḡarbūza*, *ḡarbuza* ‘дыня’), *лал* ‘драгоценный камень’ (из тур., крым.-тат., кыпч. *lal* ‘рубин’), *лагун* ‘род бочонка’ (др.-тюрк. *laγun* ‘деревянная выдолбленная чаша для питья’; тат. *laγun* ‘небольшая лоханка’), *майдан* (тат., кыпч., казах., туркм. *maidan* ‘ровное, свободное место’, тур., крым.-тат. *māidan*) и др.

Заимствованные из восточных языков существительные среднего рода – явление довольно редкое. Выявлено заимствование *пул*, которое на протяжении длительного времени сохраняло родовую вариативность (муж., жен., ср.).

Нередко заимствованные существительные с мягким конечным согласным проявляют грамматическую вариативность. В этом плане показательна история заимствований *мечеть* ‘мусульманский молитвенный дом’ и *мизгитъ*, появившихся в русском языке в различные периоды.

В исследуемый период зафиксировано родовое варьирование слова *харчъ* ‘съестные припасы, продовольствие’ (через тур. *harç* из араб. *ḡardž* ‘доход, хозяйственные расходы’), которое со времени вхождения в лексическую систему русского языка (XV в.) употреблялось то как существительное мужского рода, то как женского.

В отличие от неодушевленных существительных, род одушевленных существительных не зависит от характера финали иноязычного слова. В соответствии с правилом родовой принадлежности одушевленных имен существительных распределение по родам зависит от их соотношенности с полом живого существа. В ряду исследуемых восточных заимствований большую часть слов со-

ставляют существительные мужского рода, обозначающие лицо мужского пола. В данную группу входят:

а) наименования священнослужителей, духовных лиц: *абдал* (из араб., тур. *abdāl* ‘нищий, дервиш’) ‘персидский монах’, *абыз* (тат., казах., тоб. *abyz*) ‘священнослужитель у мусульман (имам, мулла)’, *агун* (тат., тар. *aḡun* ‘старший мулла’, бараб., тоб. *akun*) ‘ученый, богослов, мулла’, *лама* (через монг. *lama*, калм. *lamu* (из тибет. *blama*)) ‘монах-священник у буддистов-ламаистов’, *азиф* (араб. *hāfiz*) ‘знаток, чтец Корана’;

б) обозначения должностных лиц, сановников: *алпаут* (тат., кыпч., карим. *alpaut* ‘знатный человек’) ‘приближенный хана в Золотой Орде’, *аминь* (тур., кыпч., уйгур. из араб. *āmin*) ‘высокопоставленное лицо при дворе’;

в) титулы правителей: *махтум* (от араб. *mahdum* ‘тот, кому служат, господин, государь’) ‘бахманидский султан’, *паша* (тур. *paşa* из ср.-перс. *pātaxšā*, нов.-перс. *pādišāh* ‘падишах’) ‘военачальник и правитель области в Османской империи’, *салтан* (через тур. *sultan* из араб. *ṣulṭān* ‘властелин’) ‘мусульманский властитель’, *санчак* (тур. *sanʒakbāji* ‘наместник’) ‘правитель области (в Османской империи), являющийся также военачальником’, *шах* (через тур. *şah* или прямо из нов.-перс. *šāh* ‘царь, шах’) ‘титул монарха в некоторых восточных странах’;

г) наименования лиц по роду занятий: *бараш* (араб. *faraš* ‘ремесленник, делающий постели’) ‘ремесленник, изготовитель шатров, обойщик’, *мутаवелей* (араб. *matawalli*) ‘управляющий «вакфом», имуществом, завещанным на благотворительные цели», *рахтан* (перс. *rahdān*, *rahdār*) ‘сборщик дорожных пошлин’ и др.

Характерно, что у некоторых наименований лиц мужского пола отмечается вариативность форм: *бакиша* и *бакиши* (др.-тюрк. *baqši* ‘учитель, наставник’, уйг. *bakši* ‘учитель, буддийский ученый’, п.-монг. *bagši*, калм. *bakši* ‘учитель, наставник’, бурят. *багша*), *тайша* и *тайчи* (п.-монг. *taiji* ‘княжич, князь’, ‘знатный калмык’, бурят. *тайшаа* ‘тайша, глава степной думы’) ‘титул у некоторых местных народов Сибири’, *убаш* и *убаши* (п.-монг. *ubasi* ‘мирянин, принявший духовный обет’, калм. *uwš*, *uwʰš*, монг. *увш*, маньчж. *убаси*) ‘титул в феодальной Монголии’. Причиной колебания формы в данных парах является влияние разных языков – источников заимствования.

Таким образом, дифференциация по родам восточных лексем зависит от характера финали. Заимствованные слова с консонантной финалью, обозначающие неодушевленные предметы и понятия, употреблялись как существительные мужского рода, с финалью на гласный, соответственно, – женского рода. Существительные, относящиеся к среднему роду, – явление довольно редкое (ср. суш. *пуло* ‘мелкая медная монета’).

В подразделе 3.2.2. «Адаптация по числу» рассматривается освоение заимствований в числовой парадигме. Восточные заимствования, попадая на русскую почву, характеризуются утратой собственной парадигмы числа и усвоением типичных морфологических моделей языка-реципиента. Среди исследуемых ориентализмов выделяются лексические группы, получившие категорию числа с последующим грамматическим оформлением. Для ряда конкретных неодушевленных существительных характерна противопоставленность по числу. К ним относятся следующие слова: *амбар* – *амбары*, *кафтан* – *кафтаны*, *кинжал* – *кинжалы*, *кирпич* – *кирпичи*, *колпак* – *колпаки*, *кушак* – *кушаки*, *лал* – *лалы*, *набат* – *набаты*, *сарафан* – *сарафаны*, *сундук* – *сундуки*, *табун* – *табуны*, *тафья* – *тафьи*, *чуга* – *чуги* и др. Категорию числа приобретают также одушевленные существительные, называющие преимущественно лиц мужского пола, реже – женского (*аминь* ‘высокопоставленное лицо при дворе в странах мусульманского Востока’ – *амини*, *кадый* ‘мусульманский судья’ – *кадыи*, *казак* – *казаки*, *копычей* ‘должностное лицо в охране султана’ – *копычей/копычаи*, *мулла* – *муллы*, *паша* – *пашаи*, *тоен* ‘выборный староста у некоторых народов Сибири’ – *тоены*, *уван* ‘маньчжурский наследственный титул, князь’ – *уваны*, *уздень* ‘представитель феодальной власти на Кавказе’ – *уздени*, *чауш* ‘полицейский чин в Турции’ – *чауши*, *ясаул* ‘помощник атамана, старший офицер в казачьем отряде’ – *ясаулы*; *катун* ‘женщина, госпожа’ – *катуны* и др.).

К группе существительных, не имеющих противопоставления по числу, относятся слова *singularia tantum*, среди которых преобладают вещественные существительные: *изюм* ‘сушеные ягоды винограда’, *жесть* ‘листовое железо, покрытое тонким слоем олова’, *нашатырь* ‘хлористый аммоний’, *пенька*, *сурьма* ‘краска для чернения волос (бровей, усов)’ и др.

В разряд существительных *pluralia tantum* входит небольшое количество заимствований, которые обозначают парные предметы: *тебенки*, *чулки*, *штаны*. У некоторых заимствований в языке-источнике финаль -i была воспринята как показатель множественного числа, ср. *тебенки* ‘кожаные лопасти у седла, подвешиваемые на пряжках’ (тюрк. *täbängi*; казах. *tebängi* ‘пахви, кожаная подкладка под седлом по бокам лошади’).

Таким образом, отношение восточных заимствований к грамматической категории числа связано с традиционным формированием числовой формы в зависимости от семантики слова. Следует отметить влияние аналогии на формирование множественного числа ряда существительных (ср. наименования обуви – *башимаки*, *чеботы*, *четыги*).

Подраздел 3.2.3. «Особенности склонения восточных слов» посвящен падежному освоению заимствований. Большая часть субстантивов восточного происхождения, попадая на русскую почву, подчиняется правилам русской

грамматики и начинает изменяться по падежам. Так, существительные, имеющие консонантный исход (типа *арбуз, кафтан, колтак, кумыз, кунган, рундук, сазан, чемодан; ремень, чекмень*), однозначно связанные с мужским родом, относятся к именному склонению с основой на -о (-*ō*) твердой и мягкой разновидности в русском языке исследуемого периода и изменяются по падежам наряду с исконными *город, стол, конь*. Существительные, имеющие вокальный исход типа *сурна, сурьма, тамга, тесьма, пъяля* ‘чашка без ручки’, относятся к именному склонению с основой на -а (-*ā*) твердой и мягкой разновидности и изменяются по падежам наряду с исконными *жена, земля*. Незначительное количество существительных женского рода с исходом на мягкий согласный (*зен-день* ‘хлопчатобумажная ткань восточного происхождения’, *изуфрь* ‘тонкая шерстяная ткань’, *тикень* ‘колючка’, *тумень* ‘золотая персидская монета’) склоняются по модели исконных существительных типа *кость*. Редки несклоняемые существительные, среди которых выявлены субстантивы мужского рода на -и: *бакши* (др.-тюрк. *baqşı* ‘учитель, наставник’, уйг. *bakši* ‘учитель, буддийский ученый’) ‘религиозный деятель у некоторых местных народов Сибири’, *бичечи* (из монг. *bičeci* ‘писец’) ‘писарь’.

Четвертая глава «Словообразовательная активность ориентализмов в русском языке XV–XVII вв.» посвящена рассмотрению вопросов, связанных с выявлением деривационного потенциала иноязычных заимствований и определением их роли в формировании словообразовательных рядов и гнезд. Процесс словообразовательной адаптации иноязычных слов в системе языка-рецептора – явление довольно сложное и неоднородное. Словообразовательная структура заимствованного слова в русском языке отличается от структуры, которую оно имеет в языке-источнике. В подавляющем большинстве случаев на чужой почве происходит дестимологизация производных заимствований, результатом которой становится опрошение. Вот почему только этимологически в заимствованиях возможно вычленить какие-либо аффиксы. В.А. Богородицкий в своих «Университетских чтениях» представил наиболее употребительные суффиксы в заимствованиях из самых разных языков, являющиеся своеобразными определителями языков-источников (греческого: -*ист*, -*ит*, -*ада*; латинского: -*ус*, -*тор*, -*анция*, татарского и монгольского: -*лык*, -*мак*, -*ан* и др.). В редких случаях суффикс в составе частотных заимствований сохраняет свой морфемный статус на русской почве. Например, у ряда восточных слов, обозначающих лицо мужского пола по должности – *арбачей* ‘возчик, сопровождающий арбу’ (ср. тат. *арбачы* ‘возничий, возница’), *накрачий/накрачей* ‘музыкант, играющий на бубне’ (из тат. *пакагаşу* ‘литавщик, бубенщик’, чагат. *paḡaradžu*), *сурначей* ‘тот, кто играет на сурне’ (тат. *surpaşу* от *surpa* ‘дудка’) и др., вычленялся суффикс -*чий/-чей*, который присоединялся и к русской произ-

водящей основе (*думчий, кравчий, певчий, стряпчий*), проявляя определенную функциональную активность в языке исследуемого периода. Данная модель в старорусский период была живой, хотя и относительно непродуктивной. В современном русском языке заимствованный суффикс *-ачей* сохранился лишь в некоторых словах типа *казначей, домрачей* (устар.) и др. Что касается непроизводных восточных слов, то они, при заимствовании русским языком, ассимилируются и в результате процесса переразложения приобретают иную морфологическую структуру (И.А. Бодуэн де Куртенэ). В этом случае заимствованное слово получает морфологическую членимость в языке-реципиенте.

В разделе 4.1. «Деривационный потенциал восточных заимствований» анализируются адъективные, субстантивные и вербальные производные, образованные на базе восточных заимствований. Имена прилагательные от восточных заимствованных основ представляют собой в языке исследуемого периода довольно многочисленную группу. Самым распространенным средством образования адъективных производных в привлекаемых к исследованию источниках (разножанровых памятниках, деловой и бытовой письменности, исторических словарях и др.) является суффикс *-н(ый)*, один из продуктивных суффиксов как в современном русском языке, так и в языке XV–XVII вв. При помощи суффикса *-н(ый)* и его варианта *-ин(ый)* на базе заимствованных основ образовывались прилагательные, характеризующие различные виды отношений к предмету: 1) изготовленный из чего-либо: *булатный, кумачный, кутняный, сафьянный*; 2) предназначенный для чего-либо: *бражный, вьючный*; 3) украшенный чем-либо: *жемчужный, лальный* и др. Не менее продуктивными в исследуемый период являются адъективные производные, образованные при помощи форманта *-ск-* от заимствованных существительных преимущественно со значением лица: *атаман – атаманский, боярин – боярский, хан – ханский*, редко – от наименований животных: *обезьяна – обезьянский* и др. Мотивирующими существительными при производстве прилагательных с формантом *-ск* могут выступать и этнические наименования: *бесермен(ин) – бесерменский, магметан(ин) – магметанский*. В этой связи Э.А. Балалыкина, рассматривая историю русского адъективного словообразования, утверждает, что способность суффикса *-ск-* обслуживать значение лица чрезвычайно показательна, поскольку является отголоском древних отношений, связанных с первоначальной недифференцированностью имени и признака. Отмечаются адъективные дериваты с суффиксом *-ов-* (вариант *-ев-*), который, как известно, искони выражал притяжательное значение и присоединялся к наименованиям лица (*нурадын* ‘член правящей династии в Крымском ханстве’ – *нурадынов, палач – палачев, салтан – салтанов, шаман – шаманов*) и животных (*барсовый, слоновый*). Довольно редки дериваты с суффиксом *-ов-* с предметной семантикой – *алмазовый; бай-*

берековый ‘сделанный из шелковой ткани’; *езовый* ‘относящийся к езу (сооружению на реке для ловли рыбы)’; *лаловый* ‘относящийся к лалу’; *пеньковый* ‘изготовленный из пеньки’ и др.

В исследуемых источниках широко представлены отсубстантивные производные с формантом *-ник* при наименовании лиц мужского пола в обобщенном значении ‘название лица по профессии’ – *алмазник* ‘шлифовальщик драгоценных камней’, *кирпичник* ‘тот, кто изготавливает кирпичи’, *нагарник* ‘тот, кто играет на нагаре’, *чеботник* ‘сапожник, тот, кто изготавливает чоботы’ и др. Подобные производные характерны для деловых памятников. Например, в «Писцовой книге г. Казани» (1565–1568 гг. и 1646 г.) отмечаются следующие номинации: *войлочник* ‘тот, кто изготавливает войлоки’, *кармачник* ‘тот, кто делает кармаки (удочки)’, *саадачник* ‘мастер, изготавливающий саадаки, или торговый человек, продающий саадаки’, *санник* ‘мастер, продающий и изготавливающий сани’, *сапожник*, *сарафанник* ‘тот, кто шьет и продает сарафаны’, *таможник* ‘служащий таможни, сборщик таможенной пошлины’, *тафейник* ‘тот, кто шьет и продает тафьи’, *хмельник* ‘тот, кто выращивает и продает хмель’ и др.

Выявляются омонимичные формы на *-ник* для обозначения предметов – *бумажник* ‘стеганный ватный тюфяк’: *семь перинь и бумажниковъ*; *бумажник* ‘сумка для бумаг и денег’: *и тотъ бумажникъ съ писмами отнялъ*. Параллельно с омонимичными образованиями на *-ник* выступают однокоренные синонимичные наименования лиц мужского пола на *-чик/-щик*: *алмазник* – *алмазчик*, *кирпичник* – *кирпичик*. В.М. Марков, исследуя явление суффиксальной синонимии существительных на *-щик* и *-ник*, объединенных значением лица (типа *поручник* – *порутчик*, *поместник* – *помещик*, *зажигалник* – *зажигалщик*), в языке судебников XV–XVI вв., замечает, что распространение образований с суффиксом *-щик* в значительной мере происходило за счет вытеснения суффикса *-ник* в процессе оформления семантических дублетов. К концу старорусского периода имена на *-ник* сокращаются в результате вытеснения их производными на *-щик/-чик* (З.П. Данилова).

Отмечаются производные со значением женскости от наименований титулов: *тайша* ‘титул у некоторых местных народов Сибири’ – *тайшиха* ‘жена тайши’. В ряду номинаций с указанным значением отмечаются редкие производные с суффиксами *-еня* и *-уха* (*возырь* ‘визирь’ – *возырена* ‘жена визиря’, *вор* – *воруха* ‘женщина развратного поведения’). Единичны производные от наименований существительных со значением детскости, например, *тайша* – *тайшонок* ‘малолетний сын тайши’. Среди производных существительных от заимствованных основ выделяется целый ряд эмоционально-оценочных образований с разными формантами. Наиболее яркими из них являются суффикс *-к* и его производные – *-ик-*, *-ок-*, *-чик-*, *-ец-*, передающие в сочетании с произво-

дящими основами значение уменьшительности, малых размеров: *бюрюзка*, *колымажка*, *лалик*, *стаканчик*, *сургучик*, *тазик*, *ярлычок*, *яхонтец*. При наименовании предметов встречаются эмоционально-оценочные образования на *-ишко* с уменьшительно-уничтожительной маркированностью (*кафтанишко*, *сапожонки*, *ферезишка*). Данные дериваты частотны в таких разновидностях деловой письменности, как челобитные, а также в частной переписке (грамотки).

Данные эмоционально-оценочные образования часто встречаются для обозначения чего-либо незначительного, несущественного, плохого, ср.: *Ивашка Труба* <...> на нем <...> штаны козлинные *шапенка* черная *сапоженка* *телятинные* (МДБП, 234. 1662 г.).

Редки конфиксальные производные типа *наболдашник/набулдашник* 'насадка, в виде рукояти, шишки, колпачка или украшения' (от тат. *baldak*, *buldak* 'рукоятка, эфес'), *натесемник* 'деталь пояса'.

Количество глагольных номинаций, образованных от восточных слов, незначительно. Это преимущественно суффиксальные производные. Образуются глаголы от заимствованных имен с помощью следующих суффиксов: *-и-* (*дуванити* 'делить добычу, жалованье', *караулити*), *-ова/-ева-* (*кочевати*, *сеунчевати* 'сообщать радостную весть'), *-ива-* (*кабаливати* 'обращать в кабального холопа'). Подавляющее большинство вербальных производных, образованных от основ неодушевленных существительных, развивают терминологическое значение: *алмазити* 'шлифовать (о драгоценных камнях)', *бархатити* 'вышивать выпуклым рисунком', *тесмити* 'украшать тесьмой'.

В разделе 4.2. «Словообразовательные ряды ориентализмов» отмечается особое место заимствований в составе словообразовательных рядов, которые стали показателем освоения восточных заимствований в русском языке исследуемого периода. Чем экзотичнее заимствуемая лексема, тем меньше ее словообразовательная активность. С другой стороны, чем глубже вхождение заимствованного слова в систему заимствующего языка, тем длиннее словообразовательный ряд. Самыми многочисленными оказались двучленные ряды, представленные двумя основными моделями («существительное → отсубстантивное существительное», «существительное → отсубстантивное прилагательное»), реализация которых носит в исследуемый период регулярный характер. И наоборот, трехчленные ряды, будучи более разнообразными по моделям («существительное → отсубстантивное существительное → отсубстантивное прилагательное»), характеризуются относительной нерегулярностью. Исходным словом в приведенных словообразовательных рядах являются заимствованные существительные, что предопределило качество производных в составе словообразовательных рядов, представленных отсубстантивными дериватами.

Раздел 4.3. «Словообразовательные гнезда восточных слов» посвящен исследованию заимствований в составе словообразовательных гнезд (СГ).

На базе мотивирующих иноязычных основ восточного происхождения создаются преимущественно одноступенчатые, реже двух- и трехступенчатые СГ. По объему данные СГ весьма разнообразны. Основную массу составляют СГ с минимальным объемом, состоящие из двух слов (микрогнезда): *бирюза – бирюзка, бирюк – бирючий, нагара – нагарник* и др. Наибольшей глубиной отличаются двухступенчатые и трехступенчатые гнезда с такими исходными заимствованиями, как *бархат, брага, кабала* и др., в составе которых насчитывается до двенадцати производных.

Исходным словом в исследуемых СГ являются заимствованные существительные, что предопределило и качество их производных, представленных отсубстантивными дериватами (существительными, прилагательными и – редко – вербальными производными), образованными в подавляющем большинстве суффиксальным способом. Для одноступенчатых СГ с тремя и более производными, а также для двух- и трехступенчатых СГ характерны синонимия (*алмазный – алмазовый* ‘относящийся к алмазу’, *байберековый – байберечный* ‘изготовленный из байберека’, *камышный – камышовый* ‘относящийся к камышу’) и омонимия словообразовательных средств (*камышник* ‘охотник, добывающий зверя в камышах’ и *камышник* ‘камышовые заросли’). В группе двухступенчатых и трехступенчатых СГ отмечаются производные для наименования пошлин и поборов типа *алтыновщина, амбарицина*. Для исследуемого периода данный тип был довольно продуктивным. Ср.: *мостовщина* ‘пошлина за проезд по мосту’, ‘побор, связанный с постройкой, исправлением мостов’, *моровщина* ‘вид денежной подати’, *ямщина* ‘ямская повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу’ и др. Позднее, с изменением феодального землевладения и системы налогообложения, происходит угасание продуктивности данных образований.

В пределах исследованных СГ в качестве производных выступают самые разнообразные заимствованные лексемы, оформленные собственно русскими аффиксами как адъективного (-н-, -ин-, -ск-, -ов- и др.), субстантивного (-ец-, -ишк-, -ник и др.), так и глагольного типа (-ева-, -ива-, -и-), что, безусловно, способствовало их адаптации на чужеродной почве.

В пятой главе «Жанрово-функциональная характеристика ориентализмов в памятниках письменности XV–XVII вв.» исследуются функционально-стилистические особенности ориентализмов в разножанровых текстах. Анализ ориентализмов в публицистике, эпистолярных текстах, паломнической и житийной литературе показал, что среди ориентализмов, регистрируемых в исследуемый период, выделяются лексемы, во-первых, присущие всем жанрам и стилям, во-вторых, характерные для отдельных жанров и стилей, т. е. наибо-

лее частотные в рамках этих жанров, и в-третьих, зафиксированные лишь в определенных памятниках какого-либо жанра и отличающиеся низкой частотностью.

В разделе 5.5. «Функционально активные ориентализмы» рассматриваются заимствования, представленные во всех жанрах и литературных стилях исследуемого периода и характеризующиеся, как правило, высокой частотностью (*боярин, деньги, книга* и др.). Обладающие значительной функциональной активностью, стилистически нейтральные и общеупотребительные лексемы названной группы относятся к ранним заимствованиям. Так, лексема *книга* является древнебулгарским заимствованием, слово *боярин* появилось в памятниках письменности в X в. В XIV в. фиксируется лексема *деньги*.

Стилистическая нейтральность указанных слов, их роль в социально-политической и культурной жизни Московской Руси, с одной стороны, и раннее проникновение заимствований, свидетельствующее об адаптации и глубоком вхождении в язык-реципиент, с другой, – обусловили высокую активность данных восточных слов и их присутствие во всех функциональных сферах исследуемого периода.

Любопытно проследить развитие семантической структуры восточного заимствования *ковчег*, проявляющего функциональную активность в различных жанрах. Древнее восточное заимствование *ковчег* в значении ‘сундук, ларец’ широко представлено в исследуемых историко-публицистических текстах и сказаниях: *Архиепископъ же Василей взя ис ковчега белый клобукъ* (Пов. бел. клоб., 297. XV в.); <...> *къ тому же злата и сребра велія ковчеги насыпает* (Новая пов., 215. XVII в.); *Кизилбашской посоль отъ персидского Абасъ-шаха <...> государю царю и отцу его, святейшему патриарху, поднесъ ковчегъ злотъ съ каменемъ, съ лалы и съ бирюзы* (Ин. Сказ., 137. XVII в.).

В анализируемых памятниках житийной литературы, а также в историко-публицистических произведениях у слова *ковчег* зарегистрировано значение ‘рака, гроб’, ср.: *К сему же еще не устращися дерзнуть, иже заклепанный отвердити гробъ и вложити ту во златый ковчегъ ко освятованнымъ мощемъ Рускаго первосвященника, во святыхъ дивнаго чюдотворца Петра раку* (Врем. И. Тим., 354. XVII в.).

В хождениях, как правило, данное слово встречается в другом значении – ‘корабль, судно’ и употребляется в составе словосочетания *Ноев ковчег*, что объясняется особенностями жанра паломнической литературы, связанного не только с описанием быта и жизни, но и религиозных святынь посещаемых стран, ср.: *А на той горе стоит Ноев ковчег. А персы и турки тою гору называют Султана агры, тою горе зов по их* (Х. Котова, 57. 1624 г.); *Да от того же*

града Ровяни 2 днища есть горы Араратские, а на них Новъ ковчегъ (Х. Вас. Гаг., 5. 1634–1637 гг.).

В современном русском языке при утрате значений ‘рака’, ‘гроб’ у слова *ковчег* семема ‘ларец, ящик для хранения ценных и важных предметов’ устарела и сохранилась лишь в поэтической речи: *Тут он отцово копье из ковчега прекрасного вынул*. Жук. Отр. из Илиады (ССРЛЯ, т. 5, стлб. 1095). В русских православных церквях ларец для хранения Святых Даров носит название *ковчег, дарохранильница*. Ср. также специальное (церковное) устаревшее значение у слова *ковчег* – обложенный золотом ящик, в котором хранились ветхозаветные священные скрижали евреев (*ковчег завета*) (Ушаков, т.1, стлб. 1389).

Таким образом, факторами функциональной активности иноязычного заимствования являются его раннее вхождение в язык-реципиент, роль слова в социальной и культурной жизни Руси, а также собственно лингвистический фактор – семантическая деривация в пределах заимствованной лексемы.

В разделе 5.6. «Функционально ограниченная ориентальная лексика» исследуется определенный круг ориентализмов, единично зафиксированных в памятниках только определенного жанра и не встречающихся в письменных текстах других жанров. Речь идет, главным образом, об экзотизмах, то есть безэквивалентной лексике, находящейся на периферии языка и прикрепленной преимущественно к жанру паломнической литературы («Хожение» Симеона Суздальского 1437 г.; «Хожение за три моря» Афанасия Никитина 1466–1472 гг.; «Хожение на Восток» Федота Котова 1624 г., «Проскинитарий» Арсения Суханова 1649–1653 гг. и др.). Встречаются экзотизмы в статейных списках русских послов XVI–XVII вв. в Турцию, Грузию, Китай («Статейный список И.П. Новосильцева» 1570 г.; «Статейный список Ф.Е. Елчина» 1639–1640 гг., «Статейный список Ф.И. Байкова» 1653–1657 гг. и др.). Экзотизмы в указанных текстах используются для описания жизни и быта восточных народов. Ср. *намаз* ‘мусульманская молитва’: *А намазъ же их на востокъ по-руськи, обе руки поднимають высоко <...> да ложатся ниць на земли, да все ся истягнуть по земли, то их поклоны* (Х. Афан. Никит., 19. 1466–1472 гг.); *чалма/чолма* ‘мусульманский головной убор’: *А на салтане была чюга камчата золотная на лазоревой земле, да на голове чолма* (Ст. сп. Новосильцева, 78. 1570 г.).

Выявленные экзотизмы имеют ярко выраженную тематическую закрепленность. В первую очередь, это заимствования, обозначающие преимущественно конкретные предметы бытового характера: названия одежды, головных уборов, тканей, драгоценных камней, растений, предметов быта, ср.: *фата* (из тур. *futa, fota* ‘передник’, ‘полосатая ткань индийского производства’ от араб. *fīṭa*) ‘набедренная повязка’, ‘повязка на голову’, *арпа* (тат. *агра* ‘ячмень’) ‘ячмень’, *чирак* (тур., крым.-тат. *çığay* ‘лампа, свеча, факел’) ‘подсвечник’ и др. Ряд

восточных слов относится к сфере религии, среди них особо выделяются наименования культовых сооружений и служителей культа: *мечеть*, *абдал* ‘дerviш, мусульманский святой’, *мулла*, *мутапелей* ‘управляющий вакфом’; названия религиозных праздников и молитв: *байрам-наурус* ‘праздник нового года’, *курбант баграм* ‘курбан-байрам’, *фата* (араб. *fātiha* ‘первая сура Корана’) ‘фатха, молитва, первая сура Корана’. Известны экзотизмы, которые остались достоянием только памятников литературы. В основном это касается «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, где обнаружены следующие заимствования: *бабогури* (перс. *bābāgūri* ‘белый агат’) ‘драгоценный камень’, *бинчаи* (из араб. *luban-jāvi* ‘яванское благовоние’) ‘разновидность смолы’, *девякуш* (тюрк. *tävā kuş* ‘страус’; азерб., крым.-тат., тур. *dāvā* ‘верблюд’ и *kuş* ‘птица’) ‘страус’, *те-ферич* (из араб. *taffarudž*, ср. тур. *teferrüş* ‘прогулка, экскурсия’) ‘прогулка’, *тутурган* (ср. кыпч. *tuturğan* ‘рис’) ‘рис’ и ряд др., которые исследователи квалифицируют как иноязычные вкрапления.

В этом плане интересно рассмотреть функционирование лексемы *талави*, характеризующееся единичным словоупотреблением в публицистике Грозного. В одном из Посланий царя Ивана Грозного к князю Андрею Курбскому, датированном 1564 годом, обращает на себя внимание образование явно инвективного характера: *Егда же Алексиева ваша собатцкая власть преста и тако нашему царствию государское во всем послушно учинишася, и множае треюнадесять тысящъ бранныхъ исходить в помощь православию. Тако и вы прегордые царства разорили и поручны намъ сотворили, талави! И тако сопротивень разумъ по твоему злобесному умышлению!* (Ив. Гр. Посл. I, 74. 1564 г.). Необходимо отметить, что в двух рукописных источниках Послания (в рукописях Московской Синодальной библиотеки и Императорской Публичной библиотеки) слово представлено вариантом *талавии*. Значение лексемы *талави* (*талавиц*), использованной в форме множественного числа, становится понятным из контекстного окружения: в данном отрывке Иван Грозный нападает на своих врагов – Андрея Курбского, Алексея Адашева, руководителя правительства «Избранной рады», и их сторонников. Довольно яркая и экспрессивная лексема *талави*, используемая в качестве бранного выражения и имеющая значение ‘воры, мошенники, злодеи’, как нельзя лучше соответствовала «кусательному» стилю Грозного. Ср. также употребление бранного слова *собака* в Посланиях Ивана Грозного к Курбскому. В Словаре, приложенном к Сочинениям князя А. Курбского, где опубликованы два Послания Ивана Грозного, обнаружено следующее объяснение слова со ссылкой на В.И.Даля: *Талавень, воръ (Таловать, воровать. Даль)*. Приведем весь фрагмент из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: Таловать? кстр. воровать, красть. *Не талуи, поделомъ ему* (Даль. т. IV, с. 389). Кроме того, у Даля зафиксирована форма *иста-*

ловать в значении 'известить, уничтожить'. Интересен тот факт, что лексема *талавень* не обнаружена ни в одном из памятников письменности XVI–XVII столетий.

Исследователи единодушно относят слово *таловать* к тюркизмам. Так, по мнению М. Фасмера, ссылающегося на Ф. Миклошича, *таловать* из татарского *talamak* 'грабить' (Фасмер, т. IV, с. 15). Е.Н. Шипова включает глагол *таловать* в «Словарь тюркизмов русского языка» (Шипова, с. 304–305). В «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова находим глагольную форму *тала*, присущую многим тюркским языкам (тур., азерб., казах., алт., тел., шор. и др.), где она употребляется в двух основных значениях: 1. растерзать, разорвать, изодрать, отодрать, уничтожить, кусать; 2. разграбить (Радлов, т. III, с. 878). Ср. в современном татарском языке *талау* 'грабеж', 'грабить', *талаучы* 'грабитель' (Рус.-тат. словарь, с. 116).

Обнаруженное в Послании Ивана Грозного слово *талави* (*талавиц*), вероятно, представляло собой форму множественного числа от существительного *талавень* 'вор, мошенник, злодей'. Слово, являясь тюркским по происхождению, вполне могло существовать в народно-разговорной речи, о чем свидетельствовала сохранившаяся в диалектах форма *таловать*.

Таким образом, прослеживаются закономерности между объективно обусловленным уровнем функциональной активности и степенью проникновения ориентализмов в различные жанры русских письменных источников.

В шестой главе «Проблемы лексикографирования восточных слов в русском языке XV–XVII вв.» исследуются вопросы лексикографии восточных заимствований в старорусском языке.

В разделе 6.1. «Принципы организации Словаря восточных заимствований» представлены особенности составления Словаря ориентализмов в русском языке XV–XVII вв., охарактеризованы источники Словаря, его хронологические границы, словник.

Раздел 6.2. «Структура словарной статьи» посвящен анализу составных частей словарной статьи Словаря восточных заимствований.

Словарная статья содержит следующие компоненты: 1) заголовочное слово; 2) характеристику грамматических форм данной лексемы; 3) определение значений (тех, которые встречаются в исследуемых источниках); 4) иллюстрации из разножанровых памятников письменности XV–XVII вв.; 5) терминологические сочетания, фразеологию.

Заголовочное слово дается крупным полужирным шрифтом. Отмечается многообразие фонетико-орфографического освоения восточных заимствований. Из нескольких вариантов, в которых слово представлено в исследуемых текстах, в качестве заголовочного выбирается слово, фонетический облик которого

совпадает с его написанием в современном литературном языке. Остальные варианты приводятся в скобках после заголовочного слова. Ср.:

БЯЗЬ (БААЗЬ, БЕЗЬ), *ж. Плотная хлопчатобумажная ткань.*

Если слово устарело и неупотребительно в современном русском языке, то оно приводится в заголовке в современной графике с учетом этимологии:

АРЧАКЪ (ОРЧАКЪ), *м. Деревянный остов седла, седло.*

Морфологические варианты, различающиеся твердостью и мягкостью основы, а также грамматическим показателем рода, даются в составе одной словарной статьи. Ср.: **АМИРЪ** и **АМИРА**, *м.*; **ВИЗИРЬ (ВЕЗИРЬ)** и **ВЕЗИРЬ**, *м.*; **МЕЧЕТЬ**, *ж.* и **МЕЧЕТЬ**, *м.*

Словообразовательные варианты и дублеты размещаются в отдельных словарных статьях. Например:

АМАНАТНЫЙ, *прил. к аманат.*

АМАНАТСКИЙ (АМАНАЦКИЙ), *прил. к аманат.*

Иллюстрируются все варианты, помещенные под основным словом.

Терминологические сочетания, а также типичные для данного слова лексические сочетания даются после указания соответствующего значения слова. Например:

НАБАТЪ, *м. 1. Большой барабан. Въ набаты, по набатомъ бити, ударити – подавать сигнал сбора, оповещать боем барабанов о чем-л.*

Словарная статья обычно заканчивается фразеологическими сочетаниями, которые помещаются под знаком \diamond . Ср.: \diamond **Сорить деньги** – *тратить в большом количестве.*

Отсутствующее исходное слово (при наличии производного) заключается в угловые скобки (< >). Ср.:

<**КАПЪ**, *м.*> *Нарост на дереве, из которого вытачивают разные вещи.*

Грамматическая характеристика заголовочного слова, за исключением глаголов, состоит из указания на обозначение частеречной принадлежности. Восточные слова и их производные снабжены толкованиями значений. Например:

АРГАМАКЪ, *м. Восточная породистая верховая лошадь.*

ВЕЗИРСТВО, *с. Должность везира.*

САНЧАКОВЪ, *прил. Относящийся к санчаку (правителю области в Османской империи).*

Каждое из значений лексем, представленных в словарной статье, обозначается арабской цифрой. Ср.:

САФЬЯНЪ, *м. 1. Тонкая и мягкая кожа, выделанная из козых и овечьих шкур; сафьян. 2. Кусок кожи сафьянной выделки.*

По возможности у восточных заимствований после заголовка приводится этимологическая справка с целью представления этимона, внутренней формы заимствованного слова. Ср.:

АРЧАКЪ (ОРЧАКЪ), м. [тат. ағсаҡ 'седельная лука'] *Деревянный остов седла, седло.*

Стилистические оттенки значения восточных заимствований и их производных отмечаются указанием на соответствующую стилистическую и экспрессивную окраску, например:

БАШМАЧОКЪ, м., уменыш. к **башмакъ**.

Все описываемые единицы (вокабулы, производные, терминологические сочетания, фразеологизмы) подкреплены текстовыми иллюстрациями. Цитаты дают представление о хронологических рамках употребления слова: первая цитата – более ранняя в хронологическом отношении, чем последующая. После текстовых иллюстраций приводится сокращенное название источника, указание страницы издания и дата написания памятника. Например: *Переп. Хован., 307. 1682 г.; Сказ. о Гр. Отрепьеве, 737. XVII в.*

В разделе 6.3. «Фрагмент словаря (образцы словарных статей)» представлен отрывок из Словаря восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв.

В **Заключении** подводятся основные итоги диссертационной работы, излагаются общие выводы, намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы. Проведенный анализ показал значимость комплексного подхода к исследованию процесса освоения восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв. на материале разножанровых памятников письменности и лексикографических изданий. В работе выявлены основные механизмы адаптации восточных слов в связи с общими закономерностями развития языка Московской Руси.

Данные, полученные в процессе исследования, позволили уточнить хронологию вхождения ряда восточных заимствований в русский язык, которая иногда не совпадает с данными, приведенными в соответствующих статьях Словаря русского языка XI–XVII вв.

Семантическое освоение анализируемых в работе лексем является одним из важных факторов адаптации иноязычной лексики в принимающем языке. Вместе с новыми реалиями, появившимися в жизни России исследуемого периода, проникали и новые слова, причем большая часть восточных заимствований вошла в русский язык без особого изменения исконной семантики. Однако в результате исследования выявлено, что некоторые заимствованные слова претерпели в процессе адаптации разнообразные семантические преобразования, носящие в языке закономерный характер.

При освоении восточных инноваций, дублирующих в том или ином отношении исконные лексические единицы, происходят следующие процессы: семантическая дифференциация заимствования и его русского эквивалента, перестройка и стабилизация отношений в лексико-семантических группах в связи с появлением заимствованного слова-доминанты, возникновение новых синонимических рядов.

Тематический диапазон восточных слов в русском языке XV–XVII вв. был достаточно широк и охватывал самые разнообразные сферы общественной и частной жизни: от различных наименований государственного устройства до хозяйственной терминологии. При этом в плане денотативного содержания основную массу интересующих нас заимствований составляет конкретно-предметная лексика при незначительном количестве абстрактной.

Заимствованные лексемы, проанализированные в работе, существенно дополнили состав ряда функциональных сфер русской лексической системы. Вхождение восточных слов в различные тематические и лексико-семантические группы русского языка исследуемого периода способствовало стабилизации отношений между отдельными элементами приведенных групп.

Реализация семантико-синтаксических возможностей ориентализмов является важным доказательством их закреплённости в лексической системе языка-реципиента. Семантическое развитие, будучи одним из важных факторов адаптации восточных слов в русском языке, определяется не только особенностями заимствованного слова, но и, главным образом, интенсивным влиянием русской лексико-семантической системы на входящее в нее слово.

Анализ процессов фонетико-графического и морфологического освоения восточных слов, пришедших в русский язык в XV–XVII вв., позволил установить степень формальной и грамматической адаптации заимствований, выявить определенные закономерности их функционирования в привлекаемых к исследованию текстах. Сложность и неоднозначность фонетического освоения восточных слов связана преимущественно с устным путем их вхождения в древнерусский и старорусский язык, что в той или иной степени затрудняет установление их характера в языке-источнике.

В результате формальной адаптации ориентализмы подвергаются сложным процессам фонетического и морфологического варьирования. На определенном этапе заимствования и, соответственно, функционирования того или иного фонетико-графического варианта чужеродного слова могут действовать факторы, обусловленные типологическими особенностями фонетической системы языка-источника. При этом необходимо также учитывать причины, связанные с фонологическими особенностями заимствующего языка.

Используемый фактографический материал памятников дает возможность описать дифференцирующие особенности вокалической и консонантной системы восточных языков и их отражение в восприятии русскоязычных носителей, проследить включение лексем в фонетические трансформации системы русского языка, связанные с развитием аканья, еканья, отвердением шипящих и оглушением конечных звонких согласных. В этой связи представляется весьма аргументированным предположение, связанное с дифференциацией на уровне звуковой системы понятий «своя» и «чужая» лексема (ср.: *чемодан*, *чердак* – с отражением русского еканья; *чадра*, *чалма* – с сохранением сингармонизма).

В целом фонетико-графическое варьирование, будучи закономерным и сложным процессом, является показателем активного освоения восточного слова на чужой почве. В результате прочного вхождения заимствованного слова в язык-реципиент происходит постепенная утрата вариантов и последующее сохранение только одного из них.

Материалы исследуемых источников позволили прийти к выводам, связанным с грамматической адаптацией восточных заимствований в языке старорусского периода, и установить некоторые закономерности приобретения иноязычными заимствованиями грамматических показателей собственно русских слов, к которым относятся формы рода и числа, а также падежного словоизменения.

Изучение лексического состава различных в жанровом отношении памятников письменности XV–XVII вв. дает возможность подробного рассмотрения словообразовательных ресурсов восточных заимствований. При этом особое внимание уделено разной степени словообразовательной активности ориентализмов, обусловленной как своеобразием самих заимствованных лексем, так и адаптационными возможностями языка-реципиента.

Проведенный в работе анализ позволил представить довольно сложную и многообразную картину функционирования восточных заимствований в языке старорусского периода на основе изучения и детального рассмотрения разножанрового текстового материала. При этом прослеживается четкая закономерность между объективно обусловленным уровнем функциональной активности и степенью проникновения ориентализмов в различные типы русских письменных источников. Изучение особенностей употребления восточных слов в различных жанрах русской письменности позволило установить круг как функционально активных, так и ограниченных в функциональном отношении заимствованных лексем.

Впервые в лексикографической практике по результатам исследования предложены основные принципы составления Словаря восточных заимствований XV–XVII вв. В работе определена концепция Словаря, представлена струк-

тура словарной статьи, а также фрагмент словаря. Историко-культурная ценность приведенного лексикографического источника обусловлена его возможностями продемонстрировать динамику и особенности функционирования значительного пласта лексики старорусского языка – его восточного фонда.

Наблюдение над освоением восточных слов на материале разножанровых текстовых и лексикографических источников такого важного периода в развитии русского языка, как XV–XVII вв., доказало продуктивность системного подхода к изучению данной проблемы: синхронное описание исследуемого материала неразрывно связано с диахроническим рассмотрением, отражающим всю сложность и взаимосвязь процессов адаптации заимствований в лексической системе русского языка.

Исследование отчетливо продемонстрировало настоятельную необходимость дальнейшей разработки проблематики освоения заимствований, вопросов теории и методологии языковых контактов в тот или иной период функционирования русского языка, в результате которых появлялись иноязычные новации как средство обогащения его лексического фонда, к сожалению, пока ещё недостаточно изученного применительно к эпохе Московского государства, одного из важнейших этапов развития национального русского литературного языка.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

I. Монография

1. Гилязетдинова Г.Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 202 с.

II. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Гилязетдинова Г.Х. Семантическое развитие ориентализмов в языке Московского государства (на материале памятников письменности XVI–XVII вв.) / Г.Х. Гилязетдинова // Ученые записки Казанского госуниверситета. Гуманитарные науки. – Казань, 2008. – Т. 150, кн. 2. – С. 19–26.

3. Гилязетдинова Г.Х. К вопросу о метафоризации восточных лексических элементов в истории русского языка / Г.Х. Гилязетдинова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2008. – № 3 (2). – С. 135–139.

4. Гилязетдинова Г.Х. Словообразовательные ряды на базе восточных заимствований в языке старорусского периода / Г.Х. Гилязетдинова // Ученые записки Казанского госуниверситета. Гуманитарные науки. – Казань, 2009. – Т. 151, кн. 3. – С. 230–239.

5. Гилязетдинова Г.Х. *Ал цвет мил во весь свет* (из истории прилагательного *алый* в русском языке) / Г.Х. Гилязетдинова // Русский язык в школе. – 2009. – № 6. – С. 72–76.

6. Гилязетдинова Г.Х. Принципы организации словаря тюркских заимствований в языке старорусского периода / Г.Х. Гилязетдинова // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of historical, philological and cultural studies; под руководством отделения историко-филологических наук РАН. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2009. – № 2 (24). – С. 279–283.

7. Гилязетдинова Г.Х. Формирование словообразовательных гнезд с исходным тюркским заимствованием в русском языке XVI–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2009. – № 39. – С. 39–45.

8. Гилязетдинова Г.Х. Из истории слов и выражений. *Таусинный* / Г.Х. Гилязетдинова // Русская речь. – 2010. – № 5. – С. 115–118.

9. Гилязетдинова Г.Х. Фонетическая адаптация ориентализмов в русском языке XV–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Т. 152, кн. 6. – Казань, 2010. – С. 11–24.

III. Статьи, материалы и тезисы конференций:

10. Гилязетдинова Г.Х. Особенности функционирования ориентализмов в разножанровых текстах XVII в. / Г.Х. Гилязетдинова, Р.А. Юналеева // Словообразование. Стилистика. Текст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – С. 136–148.

11. Гилязетдинова Г.Х. Функционально-стилистическая характеристика ориентализмов / Г.Х. Гилязетдинова // Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 86–100.

12. Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в конфессиональных текстах XV–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // История русского языка. Стилистика. Текст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – С. 132–137.

13. Гилязетдинова Г.Х. Функциональная значимость восточных лексем в публицистических текстах XVI–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. – С. 61–62.

14. Гилязетдинова Г.Х. Об актуализации значения восточного слова в русских разножанровых текстах XVII в. / Г.Х. Гилязетдинова // Языковая семантика и образ мира. Тезисы Международной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета. 7–10 октября 1997 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – Кн. 2. – С. 258–259.

15. Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в частных письмах XVII–XVIII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань: Фикер. 1998. – С. 57–63.

16. Гилязетдинова Г.Х. Русские заимствования в речи жителей г. Харбина (КНР) / Г.Х. Гилязетдинова, Жун Цзе // Русский язык за рубежом. – 1998. – № 2. – С. 94–99.

17. Гилязетдинова Г.Х. О связи контекста и значения тюркизма в русских разножанровых памятниках XVII в. / Г.Х. Гилязетдинова // Ученые записки Казанского госуниверситета. – Казань: Унипресс, 1998. – Т. 136. – С. 133–136.

18. Гилязетдинова Г.Х. Тюркские заимствования в русской драме XVII–начала XVIII века / Г.Х. Гилязетдинова // Языкознание и литературоведение в синхронии: Межвуз. сб. научн. статей. – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2007. – Вып. 1. – С. 103–106.

19. Гилязетдинова Г.Х. Паломническая литература как источник изучения восточных заимствований / Г.Х. Гилязетдинова // Исследования по русскому языку: Сб. ст. к 70-летию профессора Э.А. Балалыкиной / под ред. В.М. Маркова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – С. 87–93.

20. Гилязетдинова Г.Х. О лексеме *боярин/ боярин* в русских разножанровых текстах XV–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // Русская и сопоставительная филология '2007 / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – С. 50–54.

21. Гилязетдинова Г.Х. Ориентальная лексика в путевых заметках купца Федота Котова (1624 г.) / Г.Х. Гилязетдинова // Лингвистические исследования: Сб. научно-методич. работ / под общей ред. Н.В. Габдреевой, Г.Ф. Зинатуллиной. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 157–166.

22. Гилязетдинова Г.Х. Метафоризация восточных заимствований в памятниках письменности XVI–XVII вв. / Г.Х. Гилязетдинова // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции. 20–22 мая 2008 г.: в 2 ч. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 139–141.

23. Гилязетдинова Г.Х. Об одном загадочном слове в Послании Ивана Грозного к князю Курбскому / Г.Х. Гилязетдинова // Восточнославянская филология: от Нестора до современности: материалы международной научной конференции. Горловка, 22–23 мая 2008 г. / Горловский государственный педагогический институт иностранных языков – Горловка: ГГПИИЯ, 2008. – С. 31–32.

24. Гилязетдинова Г.Х. Особенности функционирования производных существительных в русских памятниках XV–XVII вв. (на материале восточных заимствований) / Г.Х. Гилязетдинова // Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и в школе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 55-летию филологического факультета. Елабуга, 20–21 ноября 2008 г. – Елабуга: ЕГПУ, 2008. – С. 116–120.

25. Гилязетдинова Г.Х. Хронологическая характеристика ориентализмов в языке среднерусского периода / Г.Х. Гилязетдинова // Русская и сопоставительная филология '2008 / Казан. гос. ун-т. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 47–51.

26. Гилязетдинова Г.Х. Из истории наименований денежных единиц в русском языке (восточное заимствование *пул*) / Г.Х. Гилязетдинова // Русский язык: история и современность: сб. ст. к юбилею проф. Т.М. Николаевой / под общ. ред. Л.Р. Абдулхаковой, Д.Р. Копосова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. – С. 81–84.

27. Гилазетдинова Г.Х. Национально-культурная специфика ориентализмов (на материале путевых заметок Федота Котова, 1624 г.) / Г.Х. Гилазетдинова // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: материалы Международной научной конференции. Минск, 20-21 марта 2008 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск: БГПУ, 2008. – Ч. 2. – С. 12–14.

28. Гилазетдинова Г.Х. Особенности функционирования тюркизма «алый» в русском литературном языке нового времени / Г.Х. Гилазетдинова, А.В. Иванова // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: материалы VII Международной научно-практической конференции. 24-26 апреля 2008 г. – С.-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 32–34.

29. Гилазетдинова Г.Х. Шертная грамота (из истории наименований деловых документов в русском языке XV–XVII столетий) / Г.Х. Гилазетдинова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. научных трудов. Памяти В.И. Чернова (к 75-летию со дня рождения). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – С. 245–249.

30. Гилазетдинова Г.Х. Особенности грамматической адаптации восточных заимствований в русском языке (на материале разножанровых памятников письменности XV–XVII вв.) / Г.Х. Гилазетдинова // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья». Казань, 2-5 июля 2008 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 66–68.

31. Гилазетдинова Г.Х. Экспрессивные суффиксальные образования на базе восточных заимствований в языке Московского государства / Г.Х. Гилазетдинова // В поисках эквивалентности IV: сб. материалов Международной научной конференции. 11-13 сентября 2008 г. Прешов, Словакия. Философский факультет Прешовского университета. – Прешов, 2009. – С. 81–89.

32. Гилазетдинова Г.Х. Цветообозначение *бурых* как лингвокультурологический феномен / Г.Х. Гилазетдинова // Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка: материалы Международной научно-практической конференции. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. – С. 74–77.

33. Гилазетдинова Г.Х. Адъективные производные от восточных заимствованных основ в русском языке XV–XVII вв. / Г.Х. Гилазетдинова // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 24-26 марта 2009 г.): труды и материалы / Составители О.В. Дедова, Л.М. Макарова, Л.М. Захаров; под общим руководством М.Л. Ремневой. – М.: Макс Пресс, 2009. – С. 148–149.

34. Гилазетдинова Г.Х. Тюркизмы в языке русской демократической сатиры XVII века / Г.Х. Гилазетдинова // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: материалы VII Международной научно-практической конференции. – С.-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – С. 273–276.

35. Gilazetdinova G.Kh. Words borrowed in the east in the records of foreigners of the XVII century (on the material of “Grammatica Russica” by H.-W. Ludolt) /

G.Kh. Gilazetdinova // Развитие междисциплинарных исследований: перспективные направления и вклад в DAAD: тезисы докладов Международной конференции, посвященной 20-летию партнерства между Казанским государственным университетом и Гиссенским университетом им. Ю. Либиха. Казань, 5-7 июня 2009 г. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – С. 73–74.

36. Гилазетдинова Г.Х. Прилагательное *таусинный* в парадигме цветообозначений русского языка XVI–XVII вв. / Г.Х. Гилазетдинова // IV Международные Бодуэновские чтения. Казань, 25-28 сентября 2009 г.: труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – Т. 2. – С. 103–105.

37. Гилазетдинова Г.Х. Функциональные особенности тюркизмов в публицистических произведениях XVII века (на материале сочинений протопопа Аввакума) / Г.Х. Гилазетдинова // Язык – Общество – Время. Международная конференция «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ: материалы докладов и сообщений / науч. ред. Э.Д. Сулейманова. – Алматы: Қазак университеті, 2010. – Т. 2. – С. 157–161.

38. Гилазетдинова Г.Х. О морфологической адаптации восточных слов в русском языке Московского государства (XV–XVII вв.) / Г.Х. Гилазетдинова // Русская и сопоставительная филология '2010 / Казан. гос. ун-т. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – С. 51–55.

39. Гилазетдинова Г.Х. О словообразовательной активности восточных слов в старорусский период (субстантивные производные) / Г.Х. Гилазетдинова // Предложение и Слово: материалы IV Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка». Саратов, 14-16 октября 2010 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. – Саратов: Научная книга, 2010. – Кн. 2. – С. 44–51.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского (Приволжского) федерального университета
Тираж 150. Заказ 154/4

420008, г.Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел.: (843) 233-73-59, 292-65-60

